

РОМАН ВТОРОЙ
В ЧЕТЫРЁХ КНИГАХ
Все книги в одном томе

Николай Rostov

СИМЕОН СЕНАТСКИЙ

И ЕГО ИСТОРИЯ
АЛЕКСАНДРОВА ЦАРСТВОВАНИЯ,
или
Я НЕ ИЗ ЕГО ЧИСЛА

Подлинная история России

Николай Rostov

**Симеон Сенатский и его История
Александрова царствования,
или Я не из его числа. Роман
второй в четырёх книгах.
Все книги в одном томе**

«Издательские решения»

Rostov Н.

Симеон Сенатский и его История Александрова царствования, или Я не из его числа. Роман второй в четырёх книгах. Все книги в одном томе / Н. Rostov — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506118-8

Передел истории страшней передела мира. Пример тому Симеон Сенатский, старец Соловецкого монастыря, в миру Александр Романов, постригшийся в монахи сразу же после неудавшегося покушения на жизнь его отца — императора Павла I... После известных всем событий, произошедших 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге, сей старец обнародовал свою, так называемую, Историю Александрова царствования. Не верите? Прочтите этот роман — и тогда вы, наверное, поверите не только в это!

ISBN 978-5-00-506118-8

© Rostov Н.

© Издательские решения

Содержание

Книга первая	6
Первый вопросительный знак государя	9
Глава первая – сон сотый – последний	14
Сон третий, от Беса	16
Сон четырнадцатый, от Беса	23
Сон пятнадцатый, от Беса	25
Глава вторая (начало) – сон тридцать пятый	29
Сон четвертый – воздухоплавательный, от Беса	36
Сон тридцать шестой, от Беса	37
Глава вторая (продолжение) – сон десятый	41
Глава третья – сон сороковой	43
Глава четвертая – сон сорок седьмой	47
Глава пятая – сон восьмой	50
Сон девятый	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Симеон Сенатский и его
История Александрова
царствования, или Я не из его числа
Роман второй в четырёх
книгах. Все книги в одном томе**

Николай Rostov

© Николай Rostov, 2019

ISBN 978-5-0050-6118-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая

**Предисловие к роману второму
серии
«Подлинная история России
от великого царствования Павла I до наших дней,
или
История России Тушина Порфирия Петровича в моем изложении»**

Прежде чем вы начнете читать мой роман второй, я хочу предупредить вас о некоторых странностях его¹. А странностей много, все и не упомнишь, поэтому сейчас скажу только о тех, которые вам сразу бросятся в глаза. Потом, по ходу дела, и о других странностях расскажу и по возможности попытаюсь если не объяснить, то, по крайней мере, оправдать – защитить, нет, не очередную странность, а роман, будто он и не роман вовсе, а человек.

Первая странность, из-за которой все остальные странности происходят: он написан мною во сне.

Если вы читали мой роман первый «Фельдгегеря генералиссимуса», то помните, наверное, при каких обстоятельствах он стал мне сниться, а если же не читали, то я, конечно, рекомендую вам его прочесть, но необязательно сейчас. Существенной роли не играет, что прочтете сначала – первый мой роман или второй (подмечу тут же, это еще одна его странность). А не читавшим тот роман все же поясню, что роман второй стал мне сниться, когда Павел Петрович, «соавтор» мой, ввел меня в некий гипнотический транс – и в этом транс он стал являться мне во сне. Вот это место из романа первого:

Думаю, что глава эта будет неполной, если не расскажу то, что видел во сне под колыбельно-сладкий треп Павла Петровича. Хочу рассказать вам сейчас же, пока этот сон не забыл! А видел я следующее.

Будто сижу за столом и пишу. И пишу помимо своей воли. Не хочу, а пишу. Словно кто-то моей рукой насильно водит. И вот что выводила моя рука:

¹ И еще хочу предупредить, что все сноски и примечания, за редким исключением, в моем романе будут следовать, набранные курсивом, непосредственно за текстом, к которому они относятся. Это сделано исключительно для того, чтобы не затруднять ваше чтение. К тому же, как правило, их или вовсе пропускают, или прочитывают после прочтения всей страницы, а этого мне бы не хотелось, так как мои примечания играют, смею думать, наиважнейшую роль в моем романе.

Старец Симеон Сенатский лежал на каменном полу возле кровати, сжимая в правой руке нателный свой крест. Рубаха его была разодрана, и на пухлой его груди была выписана (крест-накрест, видно, ножиком полоснули) то ли наша русская буква «ха», то ли иностранная – «икс». След от ножа был бритвенно тонок, и крови почти не было. Невозможно было вообразить, что из-за этого он умер. А он, несомненно, был мертв.

Отец Паис склонился над ним и закрыл ему глаза. Ужаса в глазах у убитого старца не было. Ужас стоял в глазах у самого монаха, когда он закрывал ему глаза, будто спрашивал у него: «Кто следующий?»

Взгляд синих глаз убиенного старца был ясный, бездонный, словно в озере отражалось небо. А в келье было сумрачно. Горела всего одна свеча, а огонь в лампаде перед иконой в углу был потушен. Наверное, убийцей.

– Все в точности так же, ваше высокопреподобие, как и у первых, – сказал после некоторого раздумья отец Паис архимандриту Александру. – Что будем делать?

– Снесите тело на ледник, келью закройте. Государю я сам напишу, – ответил архимандрит и вышел из кельи.

Через неделю на столе у государя Николая I лежало письмо от настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Александра.

– Какое мне дело, как убиты эти трое монахов? – строго выговаривал государь то ли настоятелю, который во всех подробностях описал «происшествие» в его монастыре, то ли Александру Христофоровичу Бенкендорфу. – Мой брат убит! Разберитесь.

– Уже разбираемся, ваше величество, – ответил Александр Христофорович, шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии. – Но смею заметить, письмо архимандрита Александра и список тех лиц, который он к письму приложил, наводит на некоторое сомнение!

– Какое же?

– Видите ли, ваше величество, письмо и список разной рукой написаны. К тому же в этом списке три лица вам, ваше величество, хорошо известные. Это – Порфирий Петрович Тушин, Бутурлин Василий Васильевич и его жена Бутурлина Евгения Александровна.

– Вы думаете?

– Я лишь предполагаю, ваше величество, что они подозрительно вовремя там оказались. И ещё, ваше величество!.. Составитель этого списка уж больно явно из всех богомольцев их выделил. Жену Бутурлина он под ее девичьей фамилией – Жаннет Моне – занес. Всех прочих в алфавитном порядке перечислил, а их скопом... после буквы «ха».

– Кому вы поручили это дело?

– Князю Ростову Павлу Петровичу.

– Не тому ли Ростову, что на Марии Балконской женат? Он, кажется, и в том деле участвовал? Батюшка мой покойный тогда ему еще фамилию смешную дал... чирикающую!..

И позже, когда я расстался с Павлом Петровичем, моя рука выводила главы романа.

Но были и другие сны.

Зримо я видел, будто наяву, события, происходящие в романе. Проснувшись, я тут же, как мог, их описывал.

Но было и другое.

Я просыпался вдруг посреди ночи, и прерванный сон – его продолжение – начинал кто-то мне насильно нашептывать. И я, разумеется, записывал этот «шепот», а потом в роман свой вставлял.

Само собой, сны мои снились мне – как им заблагорассудится.

Может быть, логика в их очередности и была какая, но только им одним понятная, поэтому когда из них стал выстраивать свой роман, то выстроил не так, как они себя выстроили вольно, а построил в строгий, по возможности, конечно, строй; но все-таки их вольный строй пронумеровал на всякий случай (вдруг кто поймет, почему они в такой очередности мне снились?) – и после номера главы указывал номер сна, которому эта глава была «обязана».

Иногда я еще уточнял характер этого сна и где он мне приснился. Хотя, конечно, это последнее уточнение, наверное, лишнее. Но кто его знает – лишнее ли?

Сразу же хочу заметить, что на место событий своего романа второго не выезжал. Думаю, читавшие мой роман первый согласятся со мной, что это существенное замечание.

Было, и очень сильное, желание туда съездить, но уж больно кровавые и страшные события в Соловецком монастыре произошли, чтобы там сны эти смотреть – да еще в белые ночи.

Ведь эти ночи сущее наваждение! Кто просыпался вдруг посреди этой ночи, тот меня поймет.

Этот неотрывный взгляд северного солнца – косматый белый шар над горизонтом, будто бельмо на глазу, словно незрячий взгляд убийцы, который шарит по сторонам, словно руками, – и невозможно от его взгляда и рук увернуться.

А за горизонт на мгновение спрячется – на белом небе такое оставит, что жуть берет. Словно убийца об свою рубаху руку от крови чужой обтер – или из озорства своего разбойного всей пятерней кровью по белой стене мазанул – след свой, метку свою на память живым оставил. Мол, не сомневайтесь, и за вами приду.

Первый вопросительный знак государя

Сей монастырь бастионным гранитом стоит непоколебимо посреди Белого моря – и будет так стоять вечно, если мы не применим другие средства.

Наша безуспешная попытка в известный вам год взять его с моря двумя нашими фрегатами «Бриск» и «Миранда» тому подтверждение.

Какие же это другие средства, спросите вы меня? Отвечу: средство одно, тем более, милорд, что иных средств у нас уже нет.

Как тогда, так и сейчас я предлагаю разыграть карту старца Симеона – сына императора Павла. Пусть сын ответит за отца, принесшего столько несчастий нашей бедной Англии².

Еще не поздно. Мой человек все еще там.

Более подробно, как взять изнутри не только этот монастырь, но и Россию, я расскажу вам при личной встрече³.

Ваш L.

Сие послание (фотокопия) было мне предоставлено одним из читателей моего романа первого.

Оно было, разумеется, зашифровано. Расшифровал мне его, а потом перевел с английского на русский один мой приятель (имени называть не буду по вполне понятным соображениям).

Интересны были пометки, точнее – резолюции на этом послании.

Первая:

Принять надлежащие меры для выяснения и пресечения! Никого не щадить. Даже его.

Павел.

И вторая резолюция:

К пресечению и выявлению привлечь «французженку». Заодно и свои грехи старые в монастыре замолит.

Р.

Меня очень интересовало, в каком году это послание было перехвачено, но, к сожалению, никаких дат там не было. Потом вы поймете это мое любопытство.

А Порфирию Петровичу виделась-грезилась зимняя Сенатская площадь в Санкт-Петербурге в мельчайших подробностях, хотя в Петербурге он отродясь не был.

Шпалерами, побатальонно, стояли на этой площади гвардейские войска.

Бунтовали!

Но бунтовали они не против нынешнего, Павла I, императора, а против его сына – императора Николая Павловича.

– Полковник Тушин, – кричал на Порфирия Петровича император, – что вы медлите?

– Государь, – бесстрашно отвечал только что произведенный в полковники капитан артиллерии в отставке, – еще не все бунтовщики подошли. Видите, – указал он рукой на идущих мимо них преображенцев, – сейчас они, голубчики, каре свое на площади выстроят, тогда мы по ним картечью и жахнем.

² Да уж, Англии досталось от Павла I! После славной победы нашего непобедимого Александра Васильевича Суворова под Константинополем над турками и Британским флотом с легкостью необычайной русские и французские войска овладели надменным Альбионом. И с 1806 года Англия, как это было оговорено в Мальтийском договоре, находилась под двойным протекторатом России и Франции.

³ В силу обособленности вёрстки электронных книг эпиграфы пришлось мне оформить так.

– Благодарю за службу, генерал Тушин! – обнял за плечи Порфирия Петровича император, когда первые же залпы картечи сдули с площади гвардейских бунтовщиков в черную полынью Невы.

Николай Rostov. Фельдъегеря генералиссимуса

Цитату для этого эпитафия взял из своего романа первого и хочу тут же внести ясность насчет своего, точнее – нашего псевдонима для тех, кто этот роман не читал. Писал я его, мягко говоря, вместе с Павлом Петровичем – и он мне довольно прозрачно намекнул, какая фамилия должна быть у нас. Сейчас вроде бы этот роман пишу без его «деятельного» участия – и казалось бы, имею полное право указать подлинную свою фамилию или взять новый псевдоним. Но я от этого отказался и оставил все как есть. Соображений и причин много, почему так поступил. Не буду ими занимать ваше внимание и тратить ваше время. Лишь хочу напомнить, что написал в предисловии к роману первому о тех событиях, к описанию которых в этом романе приступаю.

Итак, еще один эпитаф к роману.

Передел Истории страшной передела Мира. Пример тому Симеон Сенатский, старец Соловецкого монастыря, – в миру Александр Романов, постригшийся в монахи сразу же после неудавшегося покушения на жизнь его отца – императора Павла I.

...После известных всем событий, произошедших 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге, сей старец обнародовал свою так называемую «Историю Александрова царствования».

Что из этого вышло, всем хорошо известно.

Подлинная История России разошлась на анекдоты, как вчерашняя газета – на самокрутки.

С документальной точностью уже доказано, что эти события произошли на тринадцать лет раньше, т. е. в 1812 году, но я оставил прежний год, так как у широкой публики двенадцатый год ассоциируется с другими событиями. Не буду говорить, произошли эти другие события на самом деле или были мистифицированы? Отослал к моему роману второму «Симеон Сенатский и его История Александрова царствования». Те же герои, но в еще более невообразимых обстоятельствах!

Николай Rostov. Фельдъегеря генералиссимуса

И вот я наконец приступаю к описанию этих невообразимых обстоятельств, которые произошли, предположительно, в 1815 году, через три года после гвардейского бунта на Сенатской площади в Санкт-Петербурге.

Но прежде еще один эпитаф, наверное, наиглавнейший!

...Что же касается Ваших снов, что приснились Вам во дворце князя Ростова, то это, как говорится, бес Вас путал. Не так все было на самом деле. И с князем Ростовым разговор совсем о другом у нас был. Я ему будущее его приоткрыл: что произойдет с ним и с соловецкими монахами в 1815 году. Так что изымите эти сны из своего романа второго «Симеон Сенатский и его История Александрова царствования».

Ваш Порфирий Петрович Тушин.

Соловецкий монастырь, 17 августа 1834 года⁴.

Письмо это я получил в самый разгар своих снов и написания этого романа, и мне было весьма непросто выполнить волю нашего Великого Пророка: изъять чуть не треть

⁴ Полностью это письмо опубликовано в послесловии к моему роману первому «Фельдъегеря генералиссимуса».

снов. И все же, поразмыслив, изъял. Может быть, со временем их опубликую в Интернете. Но некоторые сны сможете в этом романе прочесть. Я только пометочку буду делать: «сны от Беса».

А насчет этого эпиграфа, мне кажется, я погорячился: не последний он и не наглавейший. Вот этот эпиграф, пожалуй, посильнее будет!

Природа пророчеств весьма темна и туманна; и кто ее пытается объяснить научно – шарлатан или неуч! И не приведи господи знать будущее. Ведь не в силах наших там что-то изменить, поправить.

И кто наградил меня сим даром? Не турецкое же ядро?!

П. П. Тушин. Тетрадь за номером два (1807—1817).

Думаю, что дорогие мои читатели согласятся с этим утверждением нашего Великого Пророка. Замечу только, что в клеенчатой тетрадке за номером три я нашел его научный трактат «Пророчества – артиллерия Времени». Что в сем трактате он написал, затрудняюсь ответить. Сплошная кабалистика формул, расчетов и прочих научных штучек. Одним словом, артиллерийская математика.

В ней мой «великий» физик Васька попытался разобраться, но не смог. «Да, – сказал он мне, – подищутил над всеми нами твой Петрович! Поди, ему этот трактат кто-то из математиков следующего тысячелетия накропал. – И добавил восхищенно: – Далеко ушли, черти! Рад за них».

Тетради эти до сих пор не опубликованы, но переговоры с издательствами я уже веду. Есть, правда, заковыка. Объявились «родственники» отставного капитана, о чем я заранее был предупрежден Порфирием Петровичем. Вот с ними сейчас разбираюсь. Когда мы придем к взаимному согласию, тогда и увидят свет эти уникальные документы, но, к сожалению, не все. С некоторых до сих пор не снят гриф «совершенной секретности». Тетрадь за номером два как раз из их числа.

И для не читавших мой роман первый «Фельдъегерь генералиссимуса», чтобы и им было понятно, кто такой Порфирий Петрович Тушин и причем тут турецкое ядро, публикую начало своего первого романа. Введу, так сказать, тех, кто не знает, в подлинный курс Истории нашего Отечества!

Александр Николаевич Бенуа. «Парад при Павле I». 1907

12 марта 1801 года

Лишь мгновение колебались на весах Судьбы чаши Жизни и Смерти. В спальню ворвался конногвардейский полковник Саблуков.

Беннегсена он ударил пудовым кулаком в грудь, и тот, выронив шпагу на пол, упал замертво. Братьев Зубовых схватил за уши (Платона – за левое ухо, а Николая – за правое) и принудил встать их передо мной на колени; потом он их отшвырнул в угол.

Остальные заговорщики пришли в себя и ошетинились шпагами. Полковник Саблуков снял со стены алебарду и, как оглоблей, прошелся по ним.

Мне показалось, что он обращается с ними, как с разбойниками. Такими они, в сущности, и были, раз подняли руку на своего государя.

В спальню вбежали его молодцы-конногвардейцы. «Сир, – сказал мне тогда полковник, – вам необходимо показаться войскам». Я в горячке было пошел за ним, но остановился. «В ночной рубашке, – улыбнулся я ему, – и босым?»

Кто-то из его молодцов одолжил мне свой мундир. В этом мундире я и предстал перед своими верными войсками.

Они стояли побатальонно и троекратным ура встретили наше появление на крыльце.

«Вы спасли от смерти не только меня, своего государя! – сказал я полковнику со слезами на глазах. – Вы спасли Россию!»

Три дня ликовал Петербург по случаю моего счастливого избавления от смерти.

Дневник Павла I. (Перевод с французского А. С. Пушкина.)

Подлинность этого дневника до сих пор оспаривается, точнее – оспаривается авторство императора Павла I на том основании, что оригинал до сих пор не найден, а есть только пушкинский его перевод. Мол, сам Пушкин его и сочинил, правда, на основании событий той

мартовской ночи, – и выдал за дневник Павла I. Но, по большому счету, это не имеет никакого значения, так как подлинность тех событий неоспорима.

Порфирий Петрович Тушин в отставку вышел по болезни в чине артиллерийского капитана.

Болезнь приключилась после контузии.

Турецкое ядро ударило ему под ноги и перелетело через его голову; он опрокинулся на спину и сильно ударился затылком о землю.

Очнулся он только на следующий день в лазарете.

Болезнь его была престранная. Порфирий Петрович вдруг ни с того ни с сего впадал в немое оцепенение – и стоял этаким античной статуей минут пять, а то и больше.

Разумеется, он не видел и не слышал, что происходило вокруг него в тот момент. Другие картины клубились в его больной голове. Поначалу он чуть не сошел из-за них с ума, но потом к ним привык и даже стал извлекать для себя пользу...

Какую пользу извлекал наш Великий Пророк, читавшие мой роман первый «Фельдъегеря генералиссимуса» знают, а не читавшие, думаю, догадываются, какую пользу извлекал Порфирий Петрович Тушин из своих пророческих приступов.

Глава первая – сон сотый – последний

«История Александрова царствования» была впервые опубликована в Голландии в 1814 году анонимно. Правда, в предисловии от издателя, господина Ван Гротена, было написано, что рукопись сия на французском языке прислана была из России неким монахом Соловецкого монастыря.

Сведущим людям хватило и одного этого, довольно грубого и неуклюжего, намека (автор из России – монах Соловецкого монастыря), чтобы сразу раскрыть автора этой, с вашего позволения, пресловутой и лживой до глумливой дерзости Истории нашего Отечества! Автор – сын императора Павла I и брат императора Николая I – старец Симеон Сенатский.

Сия «История» была издана неслыханным для того времени тиражом – стотысячным – и разошлась мгновенно.

Скандал разразился грандиозный!

Голландскому посланнику в России барону Геккерену устно графом Бенкендорфом было заявлено (вручить ноту по сему делу не сочли нужным), что ежели сия «пидаристическая» брошюра не будет запрещена, а тираж не уничтожен, то Россия примет сама надлежащие меры.

Посланник было возразил, что тираж весь разошелся.

«Господин граф! – воскликнул он при этом патетически и опрометчиво. – Тираж весь на руках – как его теперь уничтожишь?» – «Что ж, – тонко улыбнулся Александр Христофорович, – видно, придется вас проучить, показать, как это делается!» – «Тогда вам придется пол-Европы!»⁵» – вскричал голландский посланник и тут же дипломатично замолчал – не стал говорить, что пол-Европы придется проучить – выпороть, что ли? – или уничтожить. «А вот это не ваша забота, господин барон, – возразил ему тотчас Бенкендорф. – Без вас справимся!» И указал голландскому посланнику на дверь.

Тут же были созданы две секретные комиссии: первая – для выяснения всех обстоятельств публикации сей брошюры в Голландии (она незамедлительно отбыла за границу в Женеву, где жил издатель господин Ван Гротен); вторая же комиссия занялась разбирательством этого дела в России.

Состав этих комиссий до сих пор не известен. Секретность была высочайшая.

До широкой публики доходили лишь отголоски их деятельности.

Ван Гротен скоропостижно скончался.

От насморка умер, как тогда шутили, – задохнулся. А ангиной он еще до приезда нашей комиссии предусмотрительно заболел. Вот и задохнулся: насморк нос заложил, а ангина все горло обложила. Ни вздохнуть, разражались хохотом «шутники» наши, ни пер... И в этом хохоте тонуло последнее их слово, но все отлично понимали, что за слово «задушили» шутники своим хохотом.

Смехом дела второй комиссии не комментировали. Девять, кажется, жизнью унесло то дело – и старца Симеона Сенатского в том числе. Думаю, понимаете – не до смеха.

Сама ли этому комиссия «способствовала», не знаю! Уверен, что не она. Туда еще другая комиссия нагрянула, когда начались убийства в монастыре.

Нашли ли убийцу?

И если нашли, то кто он?

Старец ли Симеон Сенатский автор этой «Истории»?

Как говорится, бог весть!

⁵ Голландский посланник преувеличил: какие «пол-Европы»? Голландия, Швейцария – да, кажется, Дания и Швеция. Все остальное под монаршей рукой нашего государя императора и Наполеона – точнехонько по черте, что прутиком в 1802 году на мальтийском песке была ими прочерчена (см. предисловие к моему роману первому «Фельдгегеря генералиссимуса»).

В. О. Ключевский. Из неопубликованного. М., 1901 г. С. 126

В романе первом я высказал сомнение в подлинности этой книги нашего знаменитого историка. Я так прямо и написал, когда, используя в качестве эпиграфа одну цитату из этой книги, присовокупил свой комментарий к ней:

Точно Чичиков фамилию историка не помнил, запомнил. Думаю, специально запомнил. Скажу даже больше. Сам он это и сочинил! Перечитайте Ключевского – не найдете. Правда, в подтверждение как бы этого эпиграфа он мне эту книжку на следующий день принес, но в руки не дал. «Читайте, – крикнул он мне и открыл ее на нужной странице, – если мне не верите!» Я прочел – и тут же эта книга растворилась в воздухе.

Теперь я другую цитату из этой книги выдернул. Почему, спросите вы меня? Поверил, что все-таки эта книга подлинник, а не фальшивка? Отвечу на все ваши вопросы без утайки. До сих пор не знаю: подлинник или фальшивка.

Но вот ведь какая история с этой книгой вышла. Я вам ее сейчас во всех подробностях расскажу. И расскажу исключительно потому, что они, подробности, непосредственно к нашему делу касательство имеют.

Итак.

Во-первых, эту книгу Ключевского Павел Петрович Чичиков (в скобках замечу, он же – князь R) на память мне подарил – и стоит она теперь на моей книжной полке, тисненым золотом на кожаном переплете сияет:

В. О. Ключевский

Из неопубликованного

Тот ли этот В. О. Ключевский, не мне судить. Павел Петрович утверждал, что именно тот.

Во-вторых, разговор уж больно между нами занятный произошел, когда он эту книгу мне вручил.

– Владейте, – сказал он с воодушевлением. – Просвещайтесь. И смотрите, не потеряйте. Она в одном-единственном экземпляре отпечатана. От сердца, можно сказать, отрываю, но вам она нужней. Из нее вы столько цитат для своих романов надергаете, что... – оборвал он себя на полуслове и захохотал. Нахохотавшись, заговорил серьезно: – Да, чуть не забыл. Откройте страницу сто двадцать шестую и прочтите. – Я прочел.

– Что, – воскликнул он победно, – хорош эпиграф для вашего сна третьего! – Я недоуменно посмотрел на него: сон свой третий я еще не видел, да что – третий! – я еще первых двух снов своих не видел.

– Увидите, я вам обещаю, – тут же заверил он меня ласково и лукаво. – И вот что я вам скажу. Когда вы сон свой этот увидите – и проснетесь в холодном поту, разговаривать нам с вами об этом будет некогда.

Действительно, разговаривать нам было некогда – да и ни к чему. Сон свой третий я увидел, пребывая в кошмарном бреду, когда он меня из коляски выбросил, и, разумеется, сон этот от Беса в роман мой не войдет. А впрочем, почему бы мне его здесь не привести? Но эпиграф к этому сну я другой присовокуплю, тыняновский.

Сон третий, от Беса

Случайный путешественник-француз, пораженный устройством русского механизма, писал о нем: «Империя каталогов», и добавлял: «блестящих»...

И были пустоты.

За пустотами мало кто разглядел, что кровь отлила от порхающих, как шпага ломких отцов, что кровь века переместилась.

Юрий Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара

В тыняновском романе, явно списанном с «Истории Александрова царствования», еще и другие слова были, объясняющие, из-за чего это вдруг эти пустоты образовались – и что это за отцы порхающие, ломкие – как шпага, и почему кровь от них отлила?

С места, что называется, в карьер Тынянов свой роман начал.

На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось; раздался вдруг хруст костей у Михайловского манежа – восставшие бежали по телам товарищей...

Лица удивительной немоты появились сразу, тут же на площади, лица, тянувшиеся лососинами щек, готовые лопнуть жилами. Жилы были жандармскими кантами северной небесной голубизны, и остзейская немота Бенкендорфа стала небом Петербурга.

Под присмотром этой небесной, бенкендорфской, немоты и вошел Павел Петрович в кабинет к государю с той порхающей походкой людей, чей век кончился на той холодной зимней площади, нет, не в двадцать пятом году, а на тринадцать лет раньше – в тысяча восемьсот двенадцатом.

Государь смотрел в окно на Неву.

– Ваше величество! – сказал Павел Петрович громко и отчетливо.

– Я вас слушаю, князь, – ответил Николай I, не поворачивая головы, – говорите.

– Говорить? – переспросил Павел Петрович и замолчал. Голос его, когда он переспросил государя, неожиданно и удивленно дрогнул (неожиданно ли?) – и потому насмешливо. И вот эту свою насмешку и удивление (не с вашим же затылком мне говорить?!) он передал своему молчанию: пусть оно говорит с затылком императорским, а меня увольте!

– Я слушаю, – не выдержал паузы император, которую ему устроил Павел Петрович, но воли своему гневу не дал – улыбнулся: – Говорите, князь.

Но Павел Петрович медлил говорить.

Императору шел девятнадцатый год – и те три года императорской жизни его еще не «испортили» – и, к сожалению, ничему не научили. «И не научат, – подумал Павел Петрович, – если в советчиках такие, как граф Большов и этот остзейский немец Бенкендорф. Ишь, как выкатил на меня свои белесые глазища от гнева. Ничего, сейчас мы их притушим».

– Видите ли, ваше величество, – заговорил, наконец, Павел Петрович, – то, о чем я хочу вам сказать, третьей пары глаз терпеть не могут! – И он предерзко и сочувственно посмотрел на Бенкендорфа.

– Александр Христофорович, оставьте нас, пожалуйста, – сказал как можно любезнее государь и добавил: – Что поделаешь? – И развел руками: – Князь старой выучки.

– Именно! – неожиданно с восторгом подхватил мысль государя императора Павел Петрович. – Старой выучки. Выучки нашего покойного императора – вашего отца, ваше величество! – возвысил он свой голос до небес, но в тоне его голоса горошиной прокатилась некая

скоморошья насмешливость. Правда, все так давно привыкли к его этой манере разговаривать, что даже Бенкендорф не уловил этот смешок, горошиной бывший у Павла Петровича в горле.

И только этот остзейский немец вышел из кабинета, как Павел Петрович заговорил без этой насмешливой горошины в голосе:

– Ваше величество, прошу заранее прощения за мою дерзость, – сказал он спокойно – и в то же время не без трепета, – но я бы хотел предостеречь через вас графа Мефодия Кирилловича Большова. При всем моем уважении к нему, к его большому уму, я обязан сказать, что он будет последним дураком, если займется кладоискательством в монастыре. Ни к чему хорошему поиски его не приведут! Сундук он князя Ростова все равно не найдет, а вот дел таких натворит, что всем тошно станет. И прошу еще передать ему, ваше величество...

– Да с чего вы взяли, князь, – перебил его государь, – что за этим он в монастырь отправляется?

– Должность у меня такая, ваше величество, все знать! – ответил с достоинством Павел Петрович. – Покойный император – Павел Петрович, царствие ему небесное, выучил. – И продолжил сухо: – Поверьте мне на слово, ваше величество, он своим поиском такие силы небесные на нас всех может накликать, что честно скажу: я свои меры уже принял – и приму вплоть до крайних, чтобы он об этом сундучке князя Ростова и думать забыл. И полагаю, что и князь Ростов свои меры принял. Не дай бог, ваше величество, если граф своей глупостью на спусковой крючок сего механизма князя Ростова нажмет. Перемолотит графа – и всех, кто ему под руку попадется.

– А откуда вы это знаете, князь? Или опять общей фразой отделаетесь?

– Нет, не отделаюсь, ваше величество! – воскликнул Павел Петрович. – Последнее, что мне князь Николай Андреевич перед смертью своей сказал: «Павлуша, передай всем, что если кто вздумает мой сундук искать, метку от меня с того света получит. А тех монахов числом девять будет. Так вот, Павлуша, кто будет искать... не из их числа».

– Страсти какие вы, князь, рассказываете, – засмеялся император.

– Что ж, ваше величество, – тяжело вздохнул Павел Петрович, – я предупредил. – И добавил: – Полагаю, что недолго нам осталось ждать скорбных вестей из монастыря.

Вот такой сон мне приснился. И продолжим описание прерванного моего разговора с Павлом Петровичем.

Итак, он мне заявил пренагло, что когда я свой этот сон увижу – и проснусь в холодном поту, разговаривать с ним мне будет некогда, поэтому он желает сообщить мне сейчас следующее. На мгновение он замолчал – сделал легкую ораторскую паузу и заговорил вдохновенно:

– Кто написал «Историю Александрова царствования», я вам говорить не буду. Вопрос, сами понимаете, пустой и, я бы сказал, праздный. Мы с вами хорошо знаем – кто. Князь Ростов Николай Андреевич. И для сведущих людей, как выразился господин историк, секрета не было, кто автор этой «Истории». Полное ее название – «История Александрова царствования, написанная на досуге князем Николаем Андреевичем Ростовым в назидание потомкам и Павлушке». Думаю, понимаете, кому в назидание написал князь свою «Историю»? Государю императору Павлу Петровичу! В 1803 году он ее написал и приказал своему секретарю перевести с русского на немецкий и этот перевод отослать государю, что и было сделано. Возмутился ли государь? Нет, не возмутился – посмеялся только. Тогда же секретарем князя был сделан французский перевод. Отослан ли был сей перевод императору Франции, спросите вы меня? Думаю, отослан, но точно утверждать не могу. А на следующий ваш вопрос – зачем он ее написал, отвечаю, как всегда, на такие вопросы отвечаю: не знаю. На ваш пятый, если не сбился со счета, вопрос – как попала сия рукопись его исторического трактата, с которой были сделаны те переводы, к соловецким монахам – и попала ли вообще? – вам самому придется ответить, точнее – один из ваших снов на этот вопрос, надеюсь, ответит. Теперь насчет этих двух комиссий. Что шутники наши о смерти голландского издателя шутили,

почти правда. Но думаю, если бы они знали, сколько там еще людей насморком этим «заболели», то смех бы свой непременно притушили, а то и вовсе в одно свое место засунули, чтобы и им, шутникам, ни вздохнуть и ни выдохнуть. Спросите, откуда знаю? Отвечу. Те две комиссии под моим патронажем находились. Состав первой, заграничной, я вам не скажу. Ни к чему вам знать – да и опасно. Когда будете писать свой роман третий «Русский Бомарше, или Почему граф Лев Толстой Мир с Войной местами поменял!», вспомните наш разговор и поймете: почему опасно. А вот состав второй комиссии назову. Назову потому, что из своего второго сна сами узнаете, да и секрета особенного нет. Комиссия состояла из двух человек. Председатель – сенатор граф Большов Мефодий Кириллович. Технический секретарь – драгунский полковник Марков. Вот, пожалуй, и все, что должно пока вам знать. Хотя нет. Я кое-что упустил. Впрочем, не буду засорять ваши мозги мелочами.

– А в спецучебнике генерала Келера об этом есть что-нибудь?

– Келера? – взметнул брови Павел Петрович. – Генерала? Не путаете? Нет? – И после весьма продолжительной и красноречивой паузы с таким глубоким подтекстом, что у меня дух захватило (что он в этом подтексте спрятал, я из своего тринадцатого сна узнал), добавил: – Сего генерала я не знаю – и учебник его не читал.

А у Келера обо всем этом я вычитал следующее:

В «Богомолье на Соловках» приняли деятельное участие граф Большов и князь Р. Пикантность придали они ему «превеселую»! Но одержал ли князь в этом деле свою очередную победу, не ведаю. О графе и речи нет. Три вопросительных знака поставил на отчете князя государь.

???

Что этим он, наш император, хотел сказать?

Три своих вопросительных знака и я поставлю.

???

Оригиналом, скажу я вам, был этот генерал. Несомненно, уроки этой «оригинальности» он у Павла Петровича брал.

Несомненно!

Превесело!

Граф М. К. Большов

Я, наверное, дорогие мои читатели, утомил вас своими комментариями и эпиграфами, но, сами понимаете, без них никак не обойтись, когда открываешь неизвестные страницы российской Истории. Вот и о графе Большове никто ничего не знает. А ведь знаменитейшая историческая личность, сравнивая разве что с Потемкиным или Суворовым.

Почему такое случилось, почему имя его предано забвению, вычеркнуто, вымарано, будто он и не жил вовсе, я сейчас писать не буду. Скажу лишь следующее.

Граф Мефодий Кириллович Большов был человеком мудрым.

Мудрость, как известно, не дается с рождения, а благоприобретается с почтенными годами и, чего греха таить, с большими чинами.

Но бывает и так, что и в чинах значительных, и в летах, а дурак! Так что должно быть еще нечто такое в человеке, чтобы это благо приобрести. И скажу сразу, что у Мефодия Кирилловича это нечто было: его острый и глубокий ум.

Но вот что удивительно, он не был дан ему с рождения, а тоже благоприобретен. И приобрел он его, усвоив к годам тридцати одно нехитрое правило: говори всегда по делу и к месту – и не просто говори, а найди одно-единственное верное словечко и только им одним пользуйся, – и будешь слыть за человека умного, а потом, с возрастом, поднабравшись опытности и мудрости, действительно умным станешь.

И найдя это словечко – годное, так сказать, на все случаи жизни, и научившись его вовремя и к месту – и потому по делу произносить, он сделал стремительную карьеру при матушке императрице Екатерине Великой (она ценила людей ловкого и деятельного ума, коим он в ту пору слыл); а при ее сыне, императоре Павле Петровиче, он не впал в царскую немилость, как случилось почти со всеми людьми екатерининского века, а еще более возвысился, чем и доказал всем, что он действительно человек большого и глубокого ума.

Ум его, подобно алмазу, приобрел должную огранку во времена этого Великого царствования этого Великого императора и засиял благородно и сдержанно, как подобает бриллианту.

И сын покойного императора Павла I – император Николай I – нашел достойную оправу этому бриллианту – возвел графа Мефодия Кирилловича Большова в сенаторы и ввел в узкий круг своих советников, что, как сами понимаете, дорогого стоит.

И когда разразился скандал с этой голландской брошюрой... Впрочем, пожалуй, я прерву свой комментарий. И прошу прощения за каламбур, без комментариев. Замечу только, что прежде чем к государю идти, совет ему давать, как с этой предерзкой брошюрой поступить, граф Большов долгий ночной разговор с Павлом Петровичем имел. О многом они переговорили и многое надумали. Но, как говорится, утро вечера мудренее!

Граф Большов шел сквозь придворную толпу в кабинет государя и сдержанно улыбался вопрошающим взглядам. А вопрошать было что. В смятение привела сия брошюрка Петербург. Все о ней только и говорили опасливо и осторожно в ожидании, что скажет о ней государь, какое примет решение. И опасения были резонные. Молод и горяч был наш император Николай Павлович. И слух прошел даже, что уже высочайший приказ отдан гвардии готовиться к походу! И одна надежда была на графа, на его мудрость. Граф не любил военных походов.

– Мефодий Кириллович, – бесцеремонно преградил ему дорогу Павел Петрович, – не забудьте, о чем мы с вами договорились. – И тихо шепнул ему на ухо: – Мне соловецкую комиссию, вам – заграничную. Не перепутайте.

– Помилуйте, князь, как я могу перепутать? – любезно возразил граф. – Долг платежом красен. Не забуду. – И, ловко обойдя князя, скрылся за дверью царского кабинета.

И предстал перед государем нашим императором Николаем I.

– Что, граф, – спросил государь Мефодия Кирилловича, – прикажете мне делать с этим? – И государь гневно швырнул на стол сию мерзкую голландскую брошюру. – Читали?

Разумеется, граф ее читал – и ответил тотчас, без раздумий:

– Читал... превесело! – Взял брошу со стола, подошел к жарко пылающему камину (лето в Петербурге в тот год выдалось холодным), бросил ее в огонь и, глядя, как она споро загорелась, заговорил тихо, раздумчиво, мудро: – Ваше величество, не мне вам советовать, но раз вы меня просите, то я бы, по нашему обыкновению, учредил две комиссии. Первая – пусть выяснит у Ван Гротена все обстоятельства публикации сего «трактата». Не верю я, что рукопись прислана была ему из России соловецким монахом. Наши монахи по-французски не понимают, а старец Симеон, сами знаете! – многозначительно возвысил голос граф и не стал говорить, что знал государь император о старце. – Меня другое занимает, ваше величество, – тревожно продолжил он. – Что если это французский перевод «Истории» покойного князя Николая Андреевича Ростова?.. И недруги наши у французского императора его выкрали, чтобы вас с ним поссорить! – Мысли, что сам Наполеон передал сей перевод сей глумливой по дерзости «Истории» Ван Гротену, Мефодий Кириллович не допускал, хотя чем черт ни шутит?! И граф взглядом дал понять государю, что это возможно, но до выяснения всех обстоятельств он не смеет даже намекать о столь кощунственно-опрометчивом поступке французского императора.

Лицо государя просияло. Дело было ясное и потому простое: сия брошюра для того была издана, чтобы поссорить его с императором Франции Наполеоном. Дело за малым – создать

комиссию и послать ее в Швейцарию, где жил издатель Ван Гротен. Разумеется, возглавить ее должен был граф Большов.

– Ваше величество, – опередил его граф – Сию комиссию, думаю, должен возглавить или сам Павел Петрович, или кто-нибудь из его ведомства. Он в этих делах лучше меня разберется. – И тонко улыбнулся: – С вашего высочайшего позволения я возглавил бы вторую комиссию для уяснения наших, соловецких, «обстоятельств». Пусть они думают, что мы поверили, что автор сей «Истории» ваш брат, старец Симеон.

– Превесело, – разразился хохотом государь и не без удовольствия еще раз повторил знаменитое словечко графа Большова: – Превесело вы мне присоветовали пустить их по ложному следу, граф! Превесело!

Да уж, замечу, превеселое дело затеял граф Большов, такое превеселое, что кровь стынет в жилах, когда вспоминаю, чем это дело кончилось.

– Ваше величество, – продолжил граф, когда они вдоволь нахохотались, – так как дел больших у моей комиссии не будет, я бы хотел попутно заняться поисками оригинала сей «Истории» князя Ростова, заодно и сундучок его сыскать.

– Сундучок? – удивленно переспросил его государь. – Сыскать? Так его же искали люди из ведомства Павла Петровича в году одиннадцатом – и не нашли!

– Плохо искали, – убежденно заверил государя Мефодий Кириллович и добавил твердо: – Я найду! И простите за дерзость, ваше величество, указ непременно на этот счет надо издать. Вот текст, если позволите, сего указа... секретного. – И граф раскрыл папку, что держал у себя под мышкой, и подал ее государю.

– Что ж, ищите, – согласился с графом государь и, прочитав указ, подписал его, сказав при этом: – Бог в помощь вам, Мефодий Кириллович. Великое дело совершите, если этот сундук найдете! – И граф тотчас поспешно удалился, будто боялся, что государь вдруг передумает – порвет сей указ, а автора сего указа, чего доброго, на Соловки отправит... в кандалах, как первейшего государственно преступника.

Текст сего указа я здесь приводить не буду, чтобы не «отягощать» свой роман документами, так что поверьте мне на слово: было за что графа на Соловки сослать. И мне удивительно, почему Павел Петрович не воспользовался этим, не растолковал государю императору, что за это не то что на Соловки, а казнить можно? Чуть было не описался – и вместо слова «можно» слово «должно» не написал.

И во сне за номером двадцать шестым я спросил его об этом.

– Да за кого вы меня, милостивый государь, держите? – не на шутку обиделся Павел Петрович на меня. – За изверга, что ли, и доносчика? Да будет вам известно, что я по другому ведомству числюсь. – И он гордо воскликнул: – Числюсь по России! – Помолчав, добавил: – И граф Большов по России числился. Жаль, что, дурак, не по той дорожке пошел – и вычеркнут из списка.

– Из какого списка? – не понял я Павла Петровича.

– Из списка князя Николая Андреевича Ростова, – ответил он мне снисходительно и удивленно спросил: – Неужто не знаете об этом списке?

– Нет, не знаю.

– И хорошо, что не знаете! – злое прокричал он мне. – Целее будете.

– Целее? – удивился я – и проснулся. Потом опять заснул. И навалился на меня сон двадцать седьмой.

Снилось мне, что я сижу в кабинете старого князя Николая Андреевича Ростова и беседую с Павлом Петровичем.

– Господин Чичиков, – спрашиваю я его насмешливо, – ведь вы не все государю рассказали. Непременно утаили, что вам еще князь Ростов поведал.

– Разумеется, утаил, – спокойно отвечает мне Павел Петрович.

– А не скажете – что?

– Вам скажу, – мрачнеет вдруг Павел Петрович и говорит шепотом: – Скажу потому, что сами знаете, что он мне поведал.

– Знаю? – переспрашиваю я его и недовольно добавляю: – Опять эти ваши штуки, Павел Петрович! Что я знаю?

– А то и знаете, – горько улыбается Павел Петрович, – что если вдруг этот его сундук найдут, то всем нам в наказание исполнится, что он в «Истории Александрова царствования» в назидание потомкам написал! И что, – спрашивает гневно, – не исполнилось разве? По чьей вы Истории нынче живете?

– Так граф Большов нашел тот сундук?

– Не знаю. И на следующий ваш вопрос тут же отвечу. Не знаю, кто нашел – и нашел ли? Но то, что князь Ростов грозил, то исполнил. На тринадцать лет отбросил всех нас назад – и мы будто сызнова жить начали – и согласно его Истории.

– Ерунду говорите, Павел Петрович, – возмущаюсь я почему-то.

– Что, – язвительно возражает он мне, – не нравится вам жить по его Истории? Так не живите. Кто вас неволит по ней жить?

Резонный вопрос. Впрочем, продолжим эту главу.

Выйдя от государя, Мефодий Кириллович на мгновение остановился, оглядел приемную залу – и нахмурился. Странно, Павла Петровича в зале не было. Но тотчас граф вошел в соображение, что не здесь же, посреди придворной толпы, расспрашивать о вещах совершенной секретности. Поди, где-нибудь в укромном месте Павел Петрович надумал перехватить его, графа Большова.

Что ж, он готов дать князю ответ!

И ответит этому докучливому князю, что государь рассудил совсем не так, как они той ночью надумали. И на то воля царская – и обсуждению она не подлежит. Это выше его сил. Да и право, если честно, он сделал почти невозможное. Уговорил государя не посылать войска в Европу, а послать комиссию. И кто возглавит эту комиссию, государь еще не решил.

Да, не решил! Вот только папочка. Непременно поинтересуется ее содержанием. Непременно.

Мефодий Кириллович невольно ее приоткрыл, чтобы убедиться, что указ государя он подложил под чистый лист, – и пришел в несказанное, точнее – «превеселое» недоумение.

«Вы все-таки, граф, перепутали, кому какую комиссию возглавлять!» – было написано рукой Павла Петровича на этом чистейшем листе белой бумаги.

Но самое «превеселое» он прочел, когда добрался до своей кареты. От указа остались только подпись государя и печать. Сам же текст пропал, испарился непостижимым образом.

В запале Мефодий Кириллович хотел было идти к государю и показать ему сей «указ»! И пошел бы, если бы не светлая мысль, которая пришла к нему в голову: подпись государя осталась, а текст можно заново написать.

Но вот как устроил Павел Петрович этот анекдотец с царским указом? Как?

Минут десять граф пребывал в тягостных размышлениях. Наконец, он приказал кучеру ехать в ведомство Павла Петровича.

– Куда, ваше сиятельство? – не понял кучер, и Мефодий Кириллович его вразумил:

– За «Маней», орясина, дворец знаешь? Вот туда!

Ведомство Павла Петровича занимало Аничков дворец, но вот ведь народец наш каков! Модный магазин «Мужская одежда от Мани» на Невском ему более известен, чем какой-то там Аничков дворец. О ведомстве умолчу. Мало кто знал, что в этом дворце находилось самое, наверное, таинственное и секретнейшее за всю Историю нашей России, да и, пожалуй, не только России, ведомство!

Создано было это ведомство в 1806 году самим государем императором Павлом I, а возглавил его наш Павел Петрович – и потому получило оно такое двусмысленное название: ведомство Павла Петровича. И не понять, чье это ведомство – императора или Чичикова?

Впрочем, ни к чему нам понимать, чье это ведомство.

Ведомство это числилось по России!

И народец, что числился по этому ведомству, вид имел не чиновный – разбойный! И все – как на подбор – душегубного облика. А дело у них было святое – защищать Россию. И они с полным правом могли бы воскликнуть, как и Пушкин: «Числюсь по России!», если бы их спросили, по какому ведомству они, разбойники, числятся? Но их не спрашивали.

Хотя, конечно, если бы спросили, думаю, не ответили. Чего доброго, морду набили или еще что другое с этим «любопытником» сотворили. Ведомство уж больно это было секретным!

Но были исключения. Например, Жаннет Моне. Бесподобной красоты и ангельской души была барышня. Замечу, попутно, что и Маня по этому ведомству числилась.

О Мане речь не скоро у нас пойдет, а с Жаннет мы в следующей главе встретимся. Граф не доедет до Павла Петровича. Как раз в тот момента, когда его карета будет проезжать мимо «Мани», один студентик бомбометание устроит, и он прикажет кучеру ехать к Бутурлиным.

Об этом «бомбометании» два сна от Беса со мной «приключились». И я в большом раздумье, помещать их здесь или от греха подальше... Пожалуй, подождем, подумаем еще, размещать или нет. А пока я хочу для не читавших мой роман первый выдернуть эпиграф из этого романа.

Серебряные чернила, господа студенты!

Формулу этих чернил вывел князь Николай Андреевич Ростов. Для веселых ли своих шуток или еще для чего, не знаю. Этими чернилами он писал царские указы Павла Петровича.

Напишет – крепостного своего обрядит в фельдъегерский мундир – да к какому-нибудь губернатору отошлет! Губернатор прочтет государеву бумагу – возрадуется. Государь его или орденом наградил – или еще чего другое милостиво пожаловал. А потом опять заглянет в эту бумагу – а бумага – как белый снег. Глянет в третий раз – а там грозное царское слово! В Сибирь, а то и на эшафот – и под гильотину русскую, т. е. под насмешливое наше русское слово!

Стенограмма лекции Дмитрия Менделеева, прочитанной им, нашим великим химиком, в декабре 1905 года студентам Московского университета.

Сон четырнадцатый, от Беса

ввергнувший меня в круговорот Времени

Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных
ничего *нет* чистого, но осквернены ум их и совесть.

Послание к Титу святого апостола Павла. Глава первая, стих 15

Эта разбойная (а по-другому и назвать ее нельзя) комиссия прибыла в Соловецкий монастырь в пятницу вместе с кемским урядником Марковым.

Синяк под глазом Маркова-второго уже чуток опал, но все равно глаз его еще плохо видел, и он, чтобы получше разглядеть Маньку – да и чтобы синяк от нее спрятать, норовил голову свою выставить ей в профиль.

А Семен Сизый (председатель этой разбойной комиссии) толкал Маньку в бок, чтобы и она в профиль к уряднику себяставляла. И она послушно поворачивалась – и ее коровьего размера грудь производила на урядника такое неизгладимое впечатление, что вроде бы уместный и справедливый вопрос: «А на кой хрен!.. ты ее, Семен, с собой взял?» – был не то чтобы не уместным, а просто терял свой смысл – и даже встречный вопрос выдвигал более уместный и справедливый: «А по кой хрен!.. ты это, Гаврила, спрашиваешь?» Ясное же дело, для чего Семен Маньку с собой взял.

И все же Мефодий Кириллович ему этот вопрос задал – и, разумеется, он его в более приличные формы облек.

– Превесело хотите провести тут время? – спросил он Семена Сизого, выпроводив Маньку из своей комнаты. Она, дура, и ему в профиль себя захотела показать.

– А что... нельзя? – заносчиво ответил Семен.

Он, конечно, не в сенаторских чинах ходил, но ведь тоже комиссию возглавлял. Комиссию по делу об убийстве старца Симеона Сенатского и монахов Соловецкого монастыря.

Спросите, почему сей незначительный человек комиссию эту возглавил?

Отвечу.

Павлу Петровичу поручили эту комиссию создать. Вот он ее и создал. И назначил Семена Сизого, разбойного вида молодчика, в председатели этой комиссии. Но чтобы свою скоморошью насмешку скрыть, а может, и наоборот, чтоб ее явно выпятить, он Семена из коллежских регистраторов в коллежские секретари перетащил. Через три чина Семен наш сиганул.

Во как!

И эту срамную девку Маньку Павел Петрович ему навязал. Правда, Семен не догадывался, что Манька неспроста ему под руку подвернулась. Но об этом как-нибудь в другой раз. Перейдем к описанию разговора, который произошел между нашими героями: графом Мефодием Кирилловичем Большовым, Семеном Сизым и урядником Марковым.

Прочувствовали состав собеседников?

Нет?

Граф Большов сразу прочувствовал, каких «собеседников» Павел Петрович ему подсунул. И непременно выставил бы их тотчас за дверь, но обстоятельства, обстоятельства – и еще раз обстоятельства. Но все же Маньке он сказал:

– Пошла вон, шалава! – И тут же, она еще дверь своей задницей не успела закрыть, как он уже за Семена взялся.

– Превесело хотите провести тут время? – спросил он его строго.

– А что... нельзя? – заносчиво ответил Семен Сизый.

Он, конечно, не в сенаторских чинах ходил, но ведь тоже комиссию возглавлял. Комиссию по делу об убийстве старца Симеона Сенатского...

«Да это мы уже писали?» – преглуно вдруг спросил я.

Кого спросил?

Зачем спросил?

Ведь снилось мне, что я сижу один в комнате за столом и пишу свой роман. Что с того, не хочу, а пишу? Пишу ведь! И через минуту на мой преглуный вопрос мне ответили – ответил из тишины кромешной Павел Петрович: «Они в круговорот Времени попали. До шестого июля 1854 года они друг другу эти два вопроса задавали, пока своими пушками два английских трехмачтовых шестидесятипушечных фрегата «Бриск» и «Миранда» их в «чувства» не привели. Вот какой им круговорот Времени князь Ростов устроил!

Под грохот шестидесятипушечных залпов они свой разговор и продолжили. Да только что под грохот английских орудий услышишь?» – «Ерунду не говорите! – воскликнул я и ехидно переспросил: – В круговорот Времени, говорите, попали?» – и проснулся.

В круговороте их «времени» я не собирался с ними кружиться. И нет, «шепот» меня, как говорится, не стал доставать, чтобы я их этот круговоротный сон продолжил описывать.

Я закурил, походил по комнате. На часах было три – ночи. Ваське звонить я не стал. Открыл холодильник, достал початую бутылку водки и выпил ее всю, как последний алкоголик, в одиночку.

Разумеется, через полчаса я уже спал – и, разумеется, приснился мне сон пятнадцатый. Был он, что называется, таким зримым, таким правдоподобным, что, проснувшись, я долго соображал: сон ли это или явь? Решив, что все-таки сон, я тут же включил компьютер, чтобы его записать, – и стал... Ставлю многоточие, потому что то, что я стал делать, объяснить невозможно. Одним словом, крыша у меня поехала. А ощущение было такое, будто я во сне и будто не я свой сон записываю, а кто-то другой под мою диктовку его записывает. Но удивительней было другое! Сейчас вы сами все поймете.

Сон пятнадцатый, от Беса

вселивший в меня Семена Сизого, так что это сон не только от Беса, но и от Семена (то, что я сам себе, будто во сне, надиктовал, в эпиграфе и в примечании я разместил;

а все остальное, что на самом деле во сне этом со мной приключилось, в описании этого сна вы прочтете).

Числюсь по России!

А. С. Пушкин

Создано было это ведомство в 1806 году самим государем императором Павлом I, а возглавил его наш Павел Петрович – и потому получило оно такое двусмысленное название: ведомство Павла Петровича. И не понять, чье это ведомство – императора или Чичикова?

Впрочем, ни к чему нам понимать, чье это ведомство.

Ведомство это числилось по России!

И Семен Иванович Сизый числился по этому ведомству, а вид имел не чиновный – разбойный! И все остальные «чиновники» такими же в ведомстве этом были: как на подбор, душегубного облика. А дело у них было святое – защищать Россию. И они с полным правом могли бы воскликнуть, как и Пушкин: «Числюсь по России!», если бы их спросили, по какому ведомству они, разбойники, числятся? Но их не спрашивали.

Хотя, конечно, если бы спросили, думаю, не ответили. Чего доброго, морду набили или еще что другое с этим «любопытником» сотворили. Ведомство уж больно это было секретным!

И не в смешном чиновничьем чине Семен Иванович пребывал – коллежский регистратор. Что за фантазия такая глумливая? Военный чин Семен Иванович Сизый носил – полковничий. А что Маньку с собой эту прихватил, так это для конспирации. Хотя, конечно, всем бы такую «конспирацию». Но вы ее сначала заслужите, спасите ее от смерти, эту «конспирацию», чтобы она прильнула к вам трепетно всем своим «конспиративным» телом, жаром обдала!..

Окончание «эпиграфа» см. во втором примечании к этому сну.

И она меня своим жаром обдала!

И ничего конспиративного в ее теле не было: грудь свою сахарную и все остальное свое, дивное, она лишь «кружевом» успела прикрыть, когда мы к ним вбежали.

Она со своими «подружками» наряды свои примеряла. В кружевной пене этих нарядов мы их и увидели. От бомбы они в той пене кружевной спрятались.

Эту бомбу им студентик сумасшедший, словно шар кегельбанный, через витрину зеркальную вкатил!

Запал уже горящий к этой бомбе подбирался, когда я эту бомбу с пола поднял. Я только и успел из портсигара папироску достать, прикурить от этой искорки запальной – и в разбитую витрину эту бомбу студентуку возвратить.

Она в руках его и ухнула! Серпантинном карнавальным студента запорошила.

«Дурак, – крикнул я ему с досады, – нашел... чем ее начинить!» Разочаровал он меня своей маскерадной бомбой. Но мои молодцы его все-таки по мостовой сапогами покатали, кое-что по брусчатке булыжной размазали. А я уже к ней подошел.

– Мадемуазель, – успел я ей только сказать, как она ко мне прильнула, жаром своим обдала – и вдруг обморок с ней случился – и безжизненное ее тело заскользило по моему телу вниз. И я ее тотчас за талию обнял – подхватил, но мы бы все равно непременно на пол под тяжестью ее тела рухнули, если бы она в чувства от моего объятья не пришла.

– Кого я должна благодарить? – спросила она меня томно.

– Протасов, – ответил я ей не раздумывая и тут же имя и отчество себе придумал: – Елистрат Алексеевич. Купеческого звания, – добавил я пронирыливо – и еще крепче к себе прижал. Как говорится, благодарить захотела, так благодари!

– А не тот ли Протасов, – спросила она усмешливо, – что в восемьсот пятом годе кучером князя Ахтарова был бит? – И свою сахарную грудь отстранила от моей груди купеческой.

– Как можно, – возмутился я, – бит? Несуразность какая – бит кучером!

– Конечно, – тут же согласилась она, но и тут же неслыханно удивила. – Разве вас, аглицкого шпиона, побьешь?! – сказала осуждающе – и глазищами своими меня ошпарила: – Боксу, поди, вашему обучены?

Думаю, читавшие мой роман первый «Фельдъегеря генералиссимуса» помнят тот «случай», случившийся с купцом Протасовым, а не читавшие тот роман скажут, что в великие тайны была посвящена Маня, раз про того купца Протасова знала!

А ведь ей в восемьсот пятом годе лет восемь было, не больше. Да и я в том годе в пору чиках ходил молоденьких.

Конечно, в нашем деле разного пола и звания люди были. Свободно она по нашему ведомству могла числиться. И «должность» у нее – подходящая. В борделе девке наш брат в экстазе страсти порой такое наговорит, такое выложит! И все же не до такой степени совершенной секретности?! А ее осведомленность такой была. Знать про купца Протасова – и в таких подробностях! Одним словом, такая осведомленность дорого стоит. И я соответственно ответил.

– Нет, боксу не обучен, – сказал я ей со всем нашим, так сказать, «купеческим» достоинством. – Да и тот купец в Москве проживал, а я купец питерский. И, соответственно, Отечеством не торгуем! А даже наоборот. И скажите...

– Маня, – подсказала она мне свое имя.

– А скажите, Маня, – прижал я ее еще крепче к своей груди, – из-за чего он в вас бомбу зашвырнул, студентик этот (употребил я весьма русский – и потому, так сказать, непечатный эпитет)?

– Так он не только в меня одну эту бомбу запустил! – возразила она мне и указала на своих «подружек». – Дуська, Нюрка, Надька, Катька, – перечислила она их всех. – И от них, не сомневайтесь, благодарность вы получите... хоть сейчас! Или? – засмеялась она глумливо, а «подружки» ее почему-то засмутились вдруг.

– Не сомневайся и ты, Маня, – заверил я ее – и глумливый смешок ее притушил, – благодарность от всех вас приму с удовольствием. – И подмигнул ее «подружкам»: мол, и до вас очередь дойдет – как только с Маней вашей разберусь. И спросил ее серьезно: – Но ты мне не ответила, зачем он в вас бомбу эту маскерадную бросил?

– На настоящую, видно, денег не хватило, – усмехнулась она. – Вот он ее из папье-маше и учудил. А что бросил, то, думаю, от неразделенной, отвергнутой нами любви!

– А что же вы все любовь-то его отвергли? – захохотал я. Барышни эти определенного сорта были. Влюбиться, конечно, в них можно. Но вот чтобы они любовь чью-то вдруг отвергли – не может такого быть! Профессия у них такая – нас любить.

– Так у него для Мани, – ответила она в стих и в рифму, – вошь в кармане! – И с достоинством продолжила: – А мы девки дорогие – рублик серебряный – и не один за любовь нашу надо выложить. – И взгляд ее в сторону студентика нырнул (мои «молодцы-приказчики» его по мостовой катали) – и окаменел. И сама она, как смерть, побелела.

И я свои глаза на студента скосил и понял, из-за чего она так побелела. Бомбу вторую она увидела. И как я раньше не понял, что не булыганом он витрину зеркальную разбил, чтобы потом бомбу свою бросить. Вторая бомба – и не маскерадная... лежала чуть ли не у наших ног.

Времени у меня от нее прикуривать не было, да и накурился я уже, так что я подошел и наклонился над ней – и потушил огонек ее запальный двумя пальцами, словно свечу поминальную по всем нам потушил; а потом спросил Маньку сурово:

– Так что, Маня, будем продолжать в маскарад играть – или все-таки скажем, из-за чего он свое бомбометание устроил?

Бомбометание это «студентик» им по одной простой причине устроил.

Конкуренция.

Ведь что купец Елистратов учудил, любезные мои читатели! Он свое заведение на самом Невском проспекте открыл.

На главном проспекте государства Российского, спросите вы меня недоуменно, открыть бордель – «Бордель у Мани» (так прозывалось в народе это заведение)?!

Не может такого быть!

Может, отвечу я вам, если в изящной упаковке это подать.

И подал, подлец. Золотом по черному бархату, над зеркальным таинством витрин вывел:

Мужская одежда от Мани

«Бутик» этот от Мани, скажу я вам в стихах и в рифму, покруче, чем от Армани был. И действительно, там мужскую одежду продавали для господ офицеров и прочей благородной публики. И чтобы завлечь покупателей, там, вместо вертлявых приказчиков (поняли, наверное, рекламный ход купца Елистратова?), приказчицы были. Вот они, милые барышни, и обслуживали покупателей по полной, так сказать, программе. Обслуживали, естественно, при том непременно условии, если он, покупатель, не меньше, чем на... Ставлю многоточие, потому что не знаю, на какую сумму покупатель должен был потратиться, чтобы с барышней-приказчицей в примерочной уединиться.

Ход этот рекламный, разумеется, имел сногшибательный успех. Оборот был колоссальный. На заднем дворе только успевали из Парижа подводы разгружать с товаром.

Ну и купец Елистратов остальным купцам стал поперек горла. Всю торговлю им порушил. Не выдерживали они конкуренцию с его «торговлей». И собрались они один раз в трактире – и удумали наехать, выражаясь современным языком, на купца Елистратова. Наняли бомбиста Родиона Карамазова. (Достоевский, замечу в скобках, потом в своих двух романах – «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» – этого «бомбиста» на двух своих литературных героев разделил – Родиона Раскольникова и Дмитрия Карамазова. Соединить в единое целое ему наше ведомство не позволило. А вот у меня роман тринадцатый «Бомбист Каракозов и прочая бомбистская публика» уже в замыслах – и там я все в единое целое соединю. Тот роман будет о годах благословленных, освободительных – шестидесятых годах девятнадцатого века. Впрочем, мы отвлеклись. Продолжим.)

Родион все это дело по уму обделал, чтобы на купцов, заказчиков, в случае чего, подозрение не пало. В «бутик» этот, т. е. в «бордель от Маньки», как простой покупатель пришел. Купил перчатки – и потребовал, чтобы его по полной программе обслужили. Разумеется, столь незначительную покупку «обслуживать» отказались. Обсмеяли с ног до головы и из «бутика» вышвырнули.

– Погодите у меня, – заорал он и пригрозил им кулаком, обтянутым только что купленной перчаткой, – я вам еще устрою. Пожалеете еще, что любовь мою отвергли.

И на следующий день им устроил. И все бы прошло гладко у него, если бы на его беду мимо не проходил в то время со своими людьми полковник Сизый Семен Иванович. Он к князю Павлу Петровичу спешил. Ведомство его как раз по соседству в Аничковом дворце располагалось.

Как он спас Маньку Мармеладову и ее «подружек» от верной смерти, вы уже знаете. А на его строгий вопрос: «Так что, Маня, будем продолжать в маскарад играть – или все-таки скажем, из-за чего он свое бомбометание устроил?» – она ему насмешливо ответила: «Родька, студентик этот, сам, наверное, не знает, зачем он эти бомбы в нас кинул, кто ему

нашу смерть заказал? – и добавила лукаво: – Павла Петровича спросите. Он мастер такие ребусы разгадывать!» – «Так и я мастер, – засмеялся полковник, – и разгадал бы – да некогда!»

Впрочем, что тут разгадывать? Обычные разборки между русскими купцами. Только одна, конечно, заковыка. Купец Елистратов и Манька наша тоже по России, то бишь по ведомству Павла Петровича числились. Но, согласитесь, не все же нам тайны в Истории Отечества разгадывать! Нам бы свою, Соловецкую, тайну разгадать.

Глава вторая (начало) – сон тридцать пятый

Александр Сергеевич объявился в нашем уезде в середине той зимы, сразу же после «воскрешения» Суворова. Кто он и откуда, никто не знал. Сам же о себе он таинственно молчал, но иногда ставил нас в тупик. Вдруг что-нибудь предскажет невообразимое. Его на смех подымут. А на следующий день – и сбудется! Я уже не помню, что именно сбывалось.

Николай Rostov. Фельдъегеря генералиссимуса

О Пушкине еще много чего Павел Петрович мне порассказал. Я ему верил и не верил. Но окончательно убедился, что почти все в его рассказах правда, когда познакомился с Катисьей Безносовой, племянницей графа Большова. И хочу заверить вас, мои дорогие читатели, что наш великий поэт пошалил весьма изрядно в 1805 году: и за уездными барышнями волочился, и в карты играл, и с драгуном Марковым стрелялся, и с Катисьей тайно обвенчался. Обвенчался точно так, как потом он в своей повести «Метель» описал. Об этом я в романе «Фельдъегеря Времени» напишу – и всю правду о фельдъегерях поведаю.

В расположение наших войск драгунский ротмистр Марков прибыл в два часа по полудню.

«Доложите господину генералиссимусу!» – грубо сказал он мне. «Что доложить, ротмистр?» – строго спросил я его. «А то и доложите, – рявкнул драгун, – что прибыл!»

На крик его из палатки вышел Александр Васильевич. «Что, брат, солоно?» – спросил он драгуна. «Солоно! – предерзко ответил драгун. – Прикажите дать водки!» – «О деле сперва! Доставил письмо?» – «Доставил!» – «Водки ему, герою! – крикнул тогда Александр Васильевич. – Заслужил». – «А вы ее, ваша светлость, со мной не выпьете?» – вдруг спросил Марков. «Да я ее, сам знаешь, редко пью!» – «Так и я ведь ее, подлую, редко пью. Только когда похмеляюсь или кого поминаю!» – «Что ж, братец, – ответил ему вдруг горько Александр Васильевич, – давай их помянем!»

Тут прискакал посыльный от Багратиона.

«Господин генералиссимус, турки тронулись!» – «А французы?» – «Стоят французы!» – «Трубить сбор, – весело закричал Александр Васильевич. – Шары воздушные в небо! Как, – обратился он к Маркову, – не захмелел? Полетишь?» – «Полечу, Александр Васильевич!» – «С богом, милый! – расцеловал он Маркова. – И прости нас с князем, если сможешь. Армию нашу те фельдъегеря сберегли. Они же, умники – турки с англичанами, нас, дураков, до самого Константинополя без единого почти что выстрела допустили! Думали, кузькину мать тут нам показать! Да забыли, верно, что наша она мать, хоть и кузькина! Что-то я разговорился сильно. Лети, братец! Покажи Британскому флоту мать нашу!»

*Денис Балконский – Ипполиту Балконскому, февраль 1806 г. Из ставки
А. С. Суворова*

Полностью это письмо можно прочесть в моем романе первом «Фельдъегеря генералиссимуса». И признаюсь честно, что о Маркове Гавриле Гавриловиче в том романе вот еще что я написал.

Роль сего драгунского ротмистра во всей этой истории с двадцатью пятью пропавшими фельдъегерями настоль загадочна и мрачна, что я чуть было не изменил своему правилу (использовать только подлинные имена и фамилии) – и вторая буква его фамилии чуть не взяла барьер из третьей буквы – и его фамилия не превратилась в... Мраков!

Удержался. К тому же, господа читатели, вы, наверно, помните случай, который произошел в 1807 году на параде Победы в Париже с драгунским полковником Марковым и двумя императорами – Павлом I и Наполеоном!

Нет?

Напомню.

Обходя войска перед парадом, два императора остановились перед драгунским полком. Наш император шепнул что-то на ухо французскому – и тот тут же, не раздумывая, снял со своей груди орден Почетного легиона.

Чтобы приколоть орден к груди нашего драгуна, Наполеону пришлось встать на цыпочки: Марков не слез с коня, а лишь наклонился. Явно, ему не очень хотелось получать сей орден. И все же Наполеон дотянулся до его груди. Тут же драгун дал шпоры своему гнедому, и тот чуть ли не встал на дыбы, чтобы французский император уж точно не смог дотянуться до драгунской щеки. Император имел привычку шлепать награжденных по щеке или трепать за ухо.

Суворов за всю эту кампанию девять человек убитыми потерял, а наши потери: двадцать пять фельдгегерей и один гусарский корнет. Правда, замечу, мы их потеряли по вечной нашей беде: напились пьяными и заснули – и случился пожар в доме того корнета. Видно, кто-то свечу горящую опрокинул. Вот кто эту свечу опрокинул, до сих пор не знают!

Путали следствие очень сильно. Даже говорили, что не сгорели они, а на дороге были те фельдгегеря и зарезаны.

Все бы так, но корнет-то гусарский сгорел! Ему-то кто свечу эту опрокинул?

Келер. Ведомство (Сто лет под грифом «совершенной секретности»). М., 1907 г. С. 68

Эту книгу я в кабинете князя Николая Андреевича Ростова нашел, когда писал свой роман первый. Вся она испещрена была пометками, сделанными рукой Павла Петровича. Так что если и не был он знаком с генералом Келером, то книгу сию читал. Правда, удивительно, как он мог читать ее, изданную в 1907 году? Ведь умер он при довольно странных обстоятельствах в 1825 году. Но это так, к слову. Уж больно занимательную на полях пометочку он сделал напротив келеровского вопроса: «Ему-то кто свечу эту опрокинул?»

Граф Большой свечу эту корнету опрокинул!

Превесело, не находите? Но он свободно, дорогие мои читатели, эту пометочку специально мог сделать, чтобы напраслину на графа возвести.

К пресечению и выявлению привлечь «француженку». Заодно и свои грехи старые в монастыре замолит.

Р.

«Француженке» – Жаннет Мане – Келер целую главу посвятил, а о Бутурлине как-то вскользь и небрежно пренебрежительно: «с дуэльным шампанским известного бретера и ловеласа Бутурлина» (см. эпиграф к послесловию моего романа первого «Фельдгегеря генералиссимуса», так как книжку Келера «Ведомство (Сто лет под грифом «совершенной секретности»)» вряд ли когда переиздадут). А этот «бретер и ловелас», муж нашей Жаннет, в 1815 году в чине генерал-майора Конногвардейским полком командовал!

И странно, что о «пресечении и выявлении» аглицкого шпиона в Соловецком монастыре ни слова.

Или дело было незначительное, или провальное, или такой секретности, что даже в спецучебнике под грифом «совершенной секретности», изданной тиражом в пять экземпляров, генерал не счел возможным о нем написать. Впрочем, может, он об этом деле и не знал вовсе. Последнее, думаю, вернее всего. Ведь разразился же Павел Петрович гневно на титульной странице этой книги: «Ну и болван же этот Келер! Но еще больший болван, кто поручил ему о ведомстве написать. Славу богу, что не все им ведомо». И там же: «А Бутурлин хорош. Нет, чтобы морду набить, он в политесы дуэльные с ним пустился!»

Я, разумеется, не преминул в одном из своих снов спросить Павла Петровича, с кем Бутурлин в «политесы дуэльные» пустился? Но он твердо стоял на своем, что книгу эту в руках никогда не держал и, следовательно, пометок там своих не делал. Кто-то другой, видно, «руку» его наладил. Даже высказал предположение, не Инполит ли это Балконский? Он мастером был в этом деле отменным. Вот с него и спрос. И ехидно к книге Дюрасова «Дуэльный кодекс» отослал. Мол, там о «дуэльных политесах» Бутурлина хорошо написано.

Да, согласен, хорошо написано. И я позволю себе еще раз из книги Дюрасова процитировать тот отрывок, который я в своем романе первом «Фельдъегеря генералиссимуса» в качестве эпиграфа использовал.

Бутурлин относился к тем редким, бретерного толка, дуэлянтам, кто звал к барьеру своего противника, выстрелившего первым, не с целью наверняка убить его, а чтобы не промазать и оставить свою, как он говорил, метку на шляпе труса, – и никогда не промахивался. Поэтому, чтобы не прослыть трусом, дуэльные противники Бутурлина опасались сделать выстрел первыми до барьера (это было все равно что выстрелить первым в воздух) и подходили вплотную, а там, как говорится, – Бог рассудит.

Шнеллеры у обоих пистолетов взводились (это было непременно условием в кондиции всех его дуэлей).

Механизм дуэльного пистолета требовал двойного нажатия на спусковой крючок. Взведенный шнеллер отменял предварительное нажатие.

«Помилуйте, – как-то раз возразил ему секундант какого-то его противника, – а если случайно нажмут на курок? Выстрел в воздух или себе под ноги! Ведь это дуэль, а не упражнения в стрельбе в клобе». – «Вот именно, дуэль, а не упражнения в дуэли! – ответил Бутурлин. – Впрочем, запишите: от случайного нажатия на курок у моего противника Бутурлин гарантирует повторное нажатие на этот курок, как если бы его пистолет был и вовсе без этого шнеллера!» – «А кто определит, был он случайным или нет?» – «Вот от этого, господа, вы меня увольте! – захохотал Бутурлин. – Не за этим я на дуэльное поле выхожу. Вы определите».

Секундант противника рассмеялся в ответ: «До сих пор были превосходные дуэльные пистолеты от Лепаж, от Кухенрейтера. Теперь в моду войдут от Бутурлина – как лучшие!»

Пистолеты дуэльные от Бутурлина вошли широко в дуэльную практику в 1802 году, так как только они одни предохраняли от случайного выстрела не двумя обязательными нажатиями на курок, а двумя выстрелами.

Откупорить бутылку шампанского, т. е. выстрелить в воздух после неудачного выстрела противника, – это тоже слова из его, Бутурлина, дуэльных анекдотов.

Если он считал, что оскорбление ему нанесено незначительное, ничтожное или сам невольно кого-то оскорбил своей шуткой, а шутить он любил, и порой зло, то после неудачного выстрела противника тотчас стрелял в воздух, будто бутылку с шампанским откупоривал, чтобы тут же на дуэльном поле и распить ее в знак примирения с противником.

«С огнем шутишь, голубчик, – как-то раз сказал ему товарищ по полку. – Ведь кто-нибудь специально подстроит, чтобы ты его оскорбил, да и убьет тебя безнаказанно!» – «Милый мой, как же безнаказанно? – тут же сочинил новое слово в дуэльном словаре Бутурлин. – Если подлец специально даст мне повод назвать его подлецом, неужели я буду пить с ним после дуэли в знак примирения шампанское? Если жив буду, на землю вылью! А убьют – товарищи разопьют».

Выстрел его в землю, после промаха противника, – это значило не только поставить метку труса на подлеце, но и клеймо убийцы. Неважно, что сейчас

не убил. Убьет кого-нибудь потом. Или раньше уже убил кого-то. Вот этого пролитого на землю дуэльного шампанского больше смерти боялись дуэльные подлецы!

В своей дуэльной биографии он никого не убил и не ранил! Но выйти с ним на поединок считалось верхом храбрости или самой низкой подлости! И это благодаря тем трем выстрелам, которые мы описали выше. Других выстрелов у него не было.

Три выстрела Бутурлина, говорили тогда дуэлянты.

Первый – не смертельный, но тяжелый.

От второго выстрела у обоих противников на следующий день голова от похмелья болит.

Третий выстрел смертельный!

Ведь не жизнь он у противника отнимал, а честь его, а это было страшнее смерти.

Бывали случаи, что некоторые его противники тут же, после его этого выстрела, просили своего секунданта пистолет ему зарядить – и стрелялись. «Что ж, – говорили про таких, – храбрец, но подлец. Редко бывает».

Сам же Бутурлин был не единожды ранен, два раза тяжело.

Бутурлина граф Большов дома не застал.

– А барыня не принимают! – заявил ему строго швейцар и выговорил не без укоризны: – По четвергам – и только по особым приглашениям. – Вот как! К государю без доклада в любой день, а к мадам Бутурлиной – только по четвергам и по особому приглашению. И на сенаторский мундир золотом шитый даже не глянул, на звезды его алмазные. Отвернулся от графа и пробурчал: – Ходят тут всякие, а потом перед барином ответ держи.

– Превесело! – воскликнул Мефодий Кириллович и спросил: – И много, братец, к твоей барыне ходят, когда барина дома нет?

– Вы первый, ваше сиятельство, – ответил швейцар. – Охотникам барин давно охотку отбил!

– А ты, братец, все же барыне доложи, что граф Большов хочет переговорить с ней по важному делу, – строго сказал ему Мефодий Кириллович и вздохнул не без сожаления: – Стар я до амурных дел и дуэльных приключений. – И серебряный рубль в ладонь его вложил.

– Иван! – позвонил швейцар в медный колокольчик. – Доложи барыне, что граф Большов принять его просит по государственному делу!

– Сей момент, – вынырнул на парадную лестницу ливрейный лакей из боковой двери и тотчас скрылся за ней.

Через минуту появился вновь и проводил графа в гостиную.

– Барыня просят ее подождать, – сказал почтительно. – Одеваются! – И оставил его одного.

Барыня одевалась полчаса.

– Милый граф, какими судьбами? – влетела она в гостиную, словно воздушное перышко, подхваченное ветром. И закружила его в своем вихре: – Милый, милый граф, как я вам рада! И что же вы нас стороной все обходите?

– Право, мадам, – растерялся Мефодий Кириллович, глядя на нее и целуя ей руку.

– Жаннет! – засмеялась она укоризненно. – Для вас, граф, я по-прежнему... Жаннет.

– Жаннет, – проговорил граф восхищенно, – вы так же ослепительно хороши. Нет, еще лучше прежнего. Богиня! – И вздохнул сокрушенно: – Я погиб окончательно.

И действительно, она была лучше той прежней Жаннет, что изображала когда-то древнегреческих нимф в балете под бесцеремонное лорнирование ее стройных ножек и детских яблочек груди.

И действительно, превратилась в богиню и была изумительно хороша – и недоступна в своем белом прозрачном платье, сшитом по тогдашней моде в древнегреческом стиле, сквозь которое светилось ее легкое гибкое тело.

– Превесело, – удивленно произнес он и добавил насмешливо: – Не в коня корм.

– О ком вы, граф? – настороженно спросила Жаннет и прикусила свою нижнюю губку.

– О себе, – ответил он печально. – Впрочем, – продолжил серьезно, – я к вам, Жаннет, по делу.

– Я слушаю вас, Мефодий Кириллович, – сказала она без жеманства. – Да вы присаживайтесь, – усадила его в кресло и села напротив. – Я вас очень внимательно слушаю – и буду рада, если смогу вам помочь. – И ее ясные глаза засветились, как синее безоблачное и бездонное небо.

– Я надеюсь, – улынулся граф насмешливо, – поможете не так, как в одна тысяча восемьсот шестом году помогли. Тогда вы таких мне выдропужских кружев наплели, что я до сих пор их превесело вспоминаю.

– Не я одна вам их плела, граф, – улыбнулась в ответ Жаннет.

– Но первой «кружевницей» все-таки вы, милая Жаннет, были! Ну и... Павел Петрович, разумеется, – добавил вкрадчиво. – По его рисунку вы все эти узоры выводили. – И добавил не без лукавства: – Насилу в них разобрался – и распустил.

Да, выдропужские «кружева», откровенно говоря, были «превеселые». И распустил их граф весьма и весьма мудро, когда ему «наскучило» их «милое» и вздорное «плетение» – и прочее, и прочее, и прочее.

Лгали все! Но, что удивительно, дудели, как говорится, в одну дуду – и разобраться в этом было невозможно. Это было выше его человеческих сил. Его даже пытались обольстить. Жаннет и пыталась. А ревнивец Бутурлин чуть на дуэль не вызвал.

А как его на воздушном шаре катали? Ах, как его катали!

И там, на высоте птичьей, потребовали от него принять этот шар в качестве вещественного доказательства их невинности в деле о двадцати пяти погибших фельдъегерях. А когда он отказался наотрез принять его и в качестве доказательства – и в другом качестве, чуть на землю с него не сбросили. И это переполнило чашу его терпения. И он учинил Жаннет, а потом всем остальным, свой последний допрос.

– Милая Жаннет, – заявил он ей твердо и строго, – неужели вы не понимаете, что я хочу всем вам помочь, а вы путаете себя и следствие? И не могу же я бесконечно выслушивать все ваши глупости, – продолжил устало, – что некто Пушкин Александр устроил все это. Я навел справки. Этому Пушкину отроду семь лет. А по вашим словам... он волочился за всеми вами, играл в карты, чуть ли не стрелялся с драгунским ротмистром Марковым из-за моей племянницы Катишь, даже тайно с ней обвенчался!⁶ И все эти небылицы лишь для того, чтобы покрыть убийц.

– Не верите? – неподдельно возмутилась Жаннет и капризно топнула ножкой, проговорила насмешливо: – Так придумайте сами, кто убил фельдъегерей! – И засмеялась: – А мы это все подтвердим своими показаниями. Но, чур, чтоб никто не был виноват. – И добавила серьезно: – А про Пушкина зря не верите. Все истинная правда. Но он, конечно, их не убивал. Вы здесь правы.

– А я ведь знаю, кто убил тех фельдъегерей! – заявил вдруг граф. – И знаю, почему они это сделали. И знаю, почему вы все их выгораживаете. И не бойтесь, я вас не выдам. Грех на душу не приму. Их не вернешь, а вам жить и жить. И я придумал, как всем вам выкрутиться.

– Правда? – изумилась Жаннет.

⁶ См. мой первый эпиграф к этой главе.

– Правда, – заверил он ее. – Я и с Павлом Петровичем это обговорил. И надеюсь, что вы, милая Жаннет, дадите слово, что это останется между нами. И никто никогда...

– Я даю вам это слово, милый граф! И, право, я бы тотчас изменила Бутурлину с вами, если бы вы не были влюблены в Мари, как и он. Я верно поняла вас? Нет?

– Превесело вы меня поняли, Жаннет, – улыбнулся граф Большов. – Превесело. – И на этих словах следствие об убитых двадцати пяти фельдъегерях он закрыл.

Все списали на сгоревшего зимой в своем доме корнета Ноздрева.

Думаю, вы сейчас недоуменно пожали плечами. С чего бы это граф таким добреньким оказался? Поди, подмазали его?

Нет, не подмазали. Но, конечно, свой интерес у него в этом деле был. И тогда об этом говорили, что не будь его племянница Катинь замешана в эту историю, он, может, по-другому все повернул. Разговор этот до государя императора Павла I дошел – и пришлось графу ответ держать. И сразу скажу вам, три часа они беседовали. А потом государь велел позвать к себе Павла Петровича. И через десять минут Павел Петрович вышел из кабинета государя камергером. А вскоре ведомство то возглавил. И Мефодия Кирилловича государь алмазной звездой отметил и табакерку подарил, ту самую, которой якобы висок императору проломил. Выдумают же несурзное?! Впрочем, об этой табакерке мы еще поговорим, а сейчас вернемся в гостиную.

– Вам знакомо сие послание, милая Жаннет? – спросил граф ее любезно и достал из своей папки махонький, чуть ли не с крылышко бабочки, листочек, исписанный с двух сторон бисерными буквами.

– Нет, – ответила она ему тотчас, мельком взглянув на него. – И что за тарабарщина, граф, там понаписана? Секретное послание? Кому? От кого?

– Верно, секретное послание, – ответил граф. – А вот перевод этой тарабарщины на английский, – достал он следующий листочек из своей папки. – Не думаю, что он вам знаком. Но вдруг... эти две резолюции... покойного государя нашего Павла Петровича и его тезки... князя Павла Петровича!

Чтобы не затруднять вас, дорогие мои читатели, перелистыванием страниц назад к началу моего романа, я воспроизвожу здесь русский перевод сего секретного послания.

Сей монастырь бастионным гранитом стоит непоколебимо посреди Белого моря – и будет так стоять вечно, если мы не применим другие средства.

Наша безуспешная попытка в известный вам год взять его с моря двумя нашими фрегатами «Бриск» и «Миранда» тому подтверждение.

Какие же это другие средства, спросите вы меня? Отвечу: средство одно, тем более, милорд, что иных средств у нас уже нет.

Как тогда, так и сейчас я предлагаю разыграть карту старца Симеона – сына императора Павла. Пусть сын ответит за отца, принесшего столько несчастий нашей бедной Англии.

Еще не поздно. Мой человек все еще там.

Более подробно, как взять изнутри не только этот монастырь, но и Россию, я расскажу вам при личной встрече.

Ваш L.

А вот резолюции.

Первая:

Принять надлежащие меры для выяснения и пресечения! Никого не щадить. Даже его.

Павел

Вторая:

К пресечению и выявлению привлечь «французенку». Заодно и свои грехи старые в монастыре замолит.

Р.

– Нет, – возмущенно ответила Жаннет, когда прочитала сие послание, – перевод мне этот не знаком – и тем более резолюции. Но для чего вы все это показали, граф?

– Для того показал, милая Жаннет, чтобы вы мне ответили по возможности честно на три моих вопроса. Вот они. Пресекли ли вы этого аглицкого малого? Кому еще поручили это дело? И простите меня, старика, за любопытство, что за старые грехи припомнил вам князь?

– Ловлю вас на слове, граф, и отвечаю честно, что возможности на ваши вопросы ответить у меня нет. Я уже далеко не та девочка, что кружила голову вам – и всему свету. Простите меня, граф! – добавила с сожалением и встала. Граф посмотрел на нее и понимающе улыбнулся. Хотел было сказать свое обычное словцо – и осекся. Такая разительная перемена произошла в ее облике. Словно она на его глазах за одно мгновение повзрослела, превратилась из юной и беззаботной барышни в умудренную горьким опытом женщину.

– Жаннет, – заговорил он сочувственно, – поверьте мне, все забудется.

– Что забудется, граф? – резко спросила она его.

– Все! – твердо ответил он ей. – Но умоляю вас, помогите мне. Скажите хотя бы, кто был вместе с вами? Знаю, что Бутурлин. Но кто еще?

– Кто еще? – переспросила она его. – Что ж, извольте, скажу. С нами был Марков.

– Какой Марков?

– Тот самый, Мефодий Кириллович! Тот самый, – засмеялась она вдруг. Но смех у нее был, как говорится, сквозь слезы. – А грехов у меня, – оборвала смех, – много. Но в монастыре я их не отмолила – добавила. И кончим об этом! Расскажите лучше, что государь решил с «Историей Александрова царствования»? Помню, превесело я ее в монастыре читала. Правда, не на французском, а на русском языке она была написана, но так же превесело.

– Читали?

– Да, читала! И что в этом удивительного? Ведь эту «Историю» написал...

И сон мой, как обычно бывает с ними, прервался на самом интересном месте, хотя я уже знал, что сказала Жаннет графу Большову. Сон мой десятый как раз с этого места начинался. И вы его скоро прочитаете, но прежде я хочу, чтобы вы сон четвертый прочитали.

Итак!

Сон четвертый – воздухоплавательный, от Беса

приснившийся мне в парусной комнате

В парусной комнате дворца князя Ростова я писал свой роман первый «Фельдъегеря генералиссимуса» и подробнейшим образом в том романе ее описал. Не буду приводить это описание здесь и объяснять не читавшим тот роман, почему именно в той комнате я писал его.

– Так почему вы пьяны, полковник?

– Пришлось выпить, мадам, чтоб одного человечка откровенно разговорить!

– Что за человек, для чего его нужно было разговорить?

– А для того и хотел разговорить, чтобы узнать, что он за человек, почему за мной увязался?

– Разговорил?

– Нет. Крепок на водку, бестия, оказался! Чуть меня самого не «разговорил». – И Марков засмеялся: – Он за мной от самого Петербурга следил. И в той же самой гостинице, что и я, поселился. Вот и любопытство меня взяло, кто его ко мне приставил, зачем?

– Хорошо, я сама попробую его разговорить! – улыбнулась Жаннет – и преобразилась. Как ей это удалось – непостижимо. Одним поворотом головы, улыбкой своей вдруг из обворожительной светской дамы превратилась в еще более обворожительную, пардон... Впрочем, не будем произносить это нецензурное слово.

Генерал Бутурлин, ее муж, тут же сжал до хруста кулаки. Жаннет посмотрела на него удивленно и предостерегающе – и, как всегда, что называется, на скаку остановила.

– Мадам, так вы его не разговорите, – мрачно возразил ей Марков. – Этому человечку лет восемьдесят, не меньше. В библейских летах сей старец. И сообразно этому... разговоры свои дела ведет. Мы с ним пятую неделю здесь, в Кеми, проживаем. Так он каждую среду в монастырь наведывается, а в пятницу возвращается. Свои странно-скоротечные богомольные вояжи объясняет тем, что не достоин пока на сей святой соловецкой земле дольше пребывать, так как не все грехи свои отмолил.

– И не отмолит! – опять превратилась в светскую львицу Жаннет. – С пятницы по субботу там надо старые грехи свои отмаливать, чтобы новых грехов не натворить!

Сон тридцать шестой, от Беса

Монахов в монастыре убивали в ночь со среды на четверг, потому Жаннет и сказала Маркову, что сей «библейский» старец грехи свои не отмолит.

Незамедлительно отправиться в город Кемь драгунскому полковнику Маркову Гавриле Гавриловичу было приказано самим государем.

– И побольше шума, господин полковник, там, в Кеми! – посоветовал ему государь. – И в дороге пошумите, – присовокупил тут же. – Вы это умеете. Что касается того, когда вам нагрянуть в монастырь, то об этом вас уведомит председатель комиссии – граф Большов Мефодий Кириллович. Он вслед за вами выедет, но путь свой проложит окольно с тишайшей предосторожностью. – И крепко пожав руку драгуну, государь вымолвил: – С богом, Гаврила Гаврилович! И, как говорится, без царя в голове – но с государем вашим в сердце. – И полетел сломя голову наш драгун в Кемь!

Что он творил в дороге, умолчу. Три дуэли, четыре расквашенные физиономии у станционных зрителей – и прочее, и прочее, и прочее. Одним словом, Марков в Кемь летел на крыльях. Но молва все равно его опережала. На четвертой станции свежие лошади уже ожидали именно его, драгунского полковника Маркова, – и так уже до самой Кеми беспрепятственно!

А на первой станции станционный старикашка имел даже смелость ему, Маркову, вошедшему в станционную избу, предерзко заметить, что непозволительно так хлопать громко дверью, и указал взглядом на старика, покойно и степенно спящего в кресле.

Старик с окладистой белой бородой (Марков тут же определил ее в разряд библиейской и потому стал прозывать старика библиейским старцем) посмотрел равнодушно на драгуна из-под полусомкнутых век, поправил у себя на коленях серебряный ларец и опять погрузился в сон, прерванный драгуном.

А наш драгун подошел к станционному зрителю и гаркнул: «Лошадей и водки! Немедленно». – «Водки извольте, – налил ему тут же водки зритель. – А лошади все в разгоне».

Марков молча выпил водки – да и ухватил зрителя, как говорится, вместо закуски за нос! И держа нос его между двух пальцев, ткнул в государеву бумагу.

Лошади тут же нашлись.

Бумага ли сия возымела действия, или два пальца драгуна, или все вкупе – бог весть.

На следующей станции тем же манером Марков потребовал водки и лошадей. Разумеется, ему их тотчас предоставили. Но вот что удивительно, господа читатели. Библиейский старец при этом всем присутствовал.

Марков поначалу не придавал этому значения. Отметил, конечно, для себя. Даже удивился, как он мог его обогнать? Ведь вроде бы никто в дороге его не обгонял!

Присутствие библиейского старца на следующей станции ввело его уже в сильнейшее изумленное подозрение. Он даже, отъехав от этой станции три версты, остановил тройку и стал ждать старца. Прождав без толку часа четыре, плюнул на все это – и поехал дальше.

Разумеется, на следующей станции старец сидел покойно в кресле и уже на правах старого знакомого взглядом предостерег Маркова, чтобы он не сильно хлопнул дверью за собой.

Марков дверью не хлопнул – он ее просто за собой не закрыл. И в избу даже не стал входить. Крикнул станционному зрителю с порога: «Лошадей живо!» И когда зритель выбежал вслед за ним на улицу с возгласом: «Господин полковник, ваши лошади вас уже ждут!», ухватил его за нос, чтобы спросить с пристрастием: «А этому старцу ты лошадей тоже приготовил? И, поди, лучше моих!» – «Помилуйте! – вскричал от боли зритель. – Как можно... „лучших“? Помилуйте, других лошадей у меня нет!» – «Нет? – отпустил нос Мар-

ков. – Смотри, если обманул, вернусь назад и такую взбучку задам не только твоему носу!» – «Не беспокойтесь, господин полковник. Попридержу старца, – понятно ответил смотритель. – Будьте покойны, попридержу!» Но или обманул, или не смог выполнить своего обещания. И своего обещания драгун не исполнил – не вернулся назад, чтобы взбучку задать смотрителю, а, что называется, устроил гонки – и конечно же, их проиграл.

Когда Марков прибыл в Кемь и, еле волоча ноги, тяжело стал подниматься по шатким ступеням гостиничной лестницы к себе в номер, который он только что снял, библейский старец спускался по этой лестнице вниз. Взгляды их встретились.

«Вы что-то припозднились?» – прочел он во взгляде старца и спросил насмешливо:

– А что, по воздуху уже летают?

– Кто летает? – не удивился этому вопросу библейский старец.

– Лошади, – захохотал Марков. – Не люди же, тем более... такого почтенного вида! – И за один прыжок преодолел лестницу. По воздуху и он умел летать, хотя бы так.

На следующий день наш драгун приступил к наведению «шума» в этом тихом северном городке Российской империи. За кутежами, карточной игрой и прочими увеселениями он, конечно, не выпускал, как говорится, из поля своего зрения библейского своего попутчика. Но случая подходящего не было, чтобы его разговорить.

И вдруг случай этот сам подвернулся – и в самый последний момент, как любят эти случаи делать.

Накануне вечером Марков получил письмо от графа Большова, в котором он уведомил его, что намерен вскоре прибыть, т. е. приплыть, из Архангельска в Соловецкий монастырь, поэтому и ему следует туда поспешить незамедлительно.

И на следующий день Марков решил отправиться в монастырь. Город ему этот, скажем честно, надоел до чертиков, надоел чуть ли не до белой горячки.

Естественно, прежде чем туда отправиться, ему необходимо было похмелиться. Похмеляться пошел в трактир, чтобы потом прямо из трактира – на пристань и с чистой совестью и свежей головой отплыть на Соловки. И вот в этом трактире к нему за стол подсел библейский старец.

– Вы позволите, господин полковник? – спросил он драгуна и церемонно, получив разрешение, сел напротив него.

– Не желаете? – скопил глаза Марков на штоф водки, из которого он еще не успел толком поправить свое здоровье.

– Не откажусь, – улыбнулся старец. – Но нам, пожалуй, – тут же заметил справедливо, – мало будет. Братец! – подозвал он к себе полового. – Принеси-ка нам три, нет, четыре штофа водки. Вы не возражаете, Гаврила Гаврилович? Если и этого мало будет, то мы еще закажем.

Разумеется, сей штофный заказ поразил Марков сильно, но не испугал. Он и больше мог выпить, если дело требовало, и спросил равнодушно:

– А по какому случаю праздник?

– А вы разве не помните, что в «Истории Александрова царствования» написано? Нет?

– Читал я сию вздорную небылицу. Вижу, что и вы ее читали. В голландском переводе?

– Нет, в подлиннике, – ответил старец. – И смею напомнить, что сегодня 18 июня 1815 года... День Ватерлоо! – И старец достал карманные часы, посмотрел на них. – Ровно двенадцать часов пополудни. Кажется, Блюхер на помощь англичанам уже прибыл. Или нет?

– А что вы меня спрашиваете? Слетайте, а потом мне расскажете в подробностях, как у них там с Наполеоном дело вышло! – расхохотался издевательски ему прямо в лицо драгун.

Об этой битве под Ватерлоо он читал в одиннадцатом году. Читал, не поверите, поблизости от этого скверного городка Кемь – в Соловецком монастыре. И ему вспомнилось почему-то, как они с Жаннет по поручению князя Павла Петровича «выловили» из Белого моря аглицкого человечка.

Человечек тот монахом соловецким прикидывался, старца Симеона бунт гвардейский в Петербурге подбивал возглавить.

«Да вашей же рукой написано, – кричал он старцу. – «Четырнадцатого декабря одна тысяча восемьсот двадцать пятого года гвардейские войска на Сенатскую площадь выйдут и кричать будут: «Старца Симеона в государи наши императоры хотим!» Неужели забыли? Возглавьте заговор – не прогадаете!» – «Да что вы так кричите? – отпихивал от себя монаха старец. – Не я сию мерзость написал. Не я!» – «Не бойтесь меня, – переходил на шепот подстрекатель. – Я верными людьми вашими к вам из Петербурга послан. Все готово. Вашего указания только ждут!»

После этого разговора со старцем Симеоном... они с Жаннет и выловили этого человечка из Белого моря. Сам ли утонул или утопил кто, не выясняли.

Другие события нагрянули. А библейский старец уж больно сильно похож на кого-то, но вот на кого? Убей бог, не вспомнить.

Как на кого? Станный вопрос. На старца голландского отлива. Вот небольшой отрывочек из моего романа третьего «Русский Бомарше, или Почему граф Лев Толстой Мир с Войной местами поменял!»

– Так вас из Лондона сам сэр Питт прислал? Зачем? Я же ему писал, что один справлюсь! – недовольно спросил князя Ахтарова благообразного вида старец с голландской сивой бородой. Точная копия отца блудного сына, что Рембрандт на картине своей с одноименным названием изобразил. И если бы князь к его стопам припал – и не копия – а подлинник. Но князь к стопам этого изверга не припал, а сказал насмешливо:

– Вижу, что справились. – Они стояли возле двух свежих могил: голландского издателя Ван Гротена и его жены. – А повеселей историю не могли придумать? – улыбнулся извергу князь. – Например, утопить в Женевском озере.

– Они не умели плавать, – мрачно пошутил «голландский» старец.

Издатель повесился в своей спальне прямо на глазах у своей безутешной жены. Она туда в тот момент вбежала, когда он, этот изверг, ему услужливо помогал веревку затянуть. Ну и – разрыв сердца у бедной вдовы.

– А вы умеете плавать? – тонко улыбнулся князь.

– А как же! В студеное Белое море меня этому одна француженка с одним русским драгуном выучили.

– Так это вы утонули в одиннадцатом году? Гляди-ка, – всплеснул руками наш русский Бомарше, – где вынырнули! – И расхохотался: – А летать по воздуху, как князь Ростов Николай Андреевич, не пробовали?

– Пробовал. А что?

– Так слетайте, любезный, на Соловки!

– Слетал бы, да тот шар в студеное море утонул, сэр! И летунов без меня там хватает!..

– Так что, – посмотрел на старца драгун, – летите иль нет? Ватерлоо там ваше в полном разгаре!

– Слетал бы, – захохотал старец. – Да ведь сами знаете, что воздушный шар князя Ростова в студеных водах моря утонул.

Неслыханная осведомленность старца поразила драгуна еще больше, чем его неслыханная скорость передвижения. Об этом шаре только те девять монахов знали – да они с Жаннет, ну и, конечно, кто их тогда в Соловецкий монастырь послал: князь Павел Петрович и покойный государь Павел I.

– А не соблаговолите, почтеннейший, сказать, – спросил его строго Марков, – откуда у вас такая сказочная осведомленность?

– Собогаволю, но и вы в свою очередь на несколько вопросов моих мне ответите. Впрочем, – вдруг спохватился библейский старец, – нет. Один из нас ответит. Кто первый носом в закуску клюнет, тот и будет отвечать. Согласны?

– Пари, что ли, вы хотите со мной заключить, – снисходительно проговорил Марков и ухмылку свою знаменитую спрятал в драгунские свои черные усы, – кто кого перепьет?

– Именно! Пари. Именно! Кто перепьет, тот и будет спрашивать. – И старец разлил по стаканам водку – и они начали водочное состязание...

На этом месте я прерываю описание этого сна. Скажу только, что у них ничья боевая вышла.

И замечу, что Марков ошибался: о шаре воздушном еще один человек знал – Порфирий Петрович Тушин. И в таких подробностях, что только одному ему, Пророку, дано знать. Приступ тот его пророческий долог был. В свою клеенчатую тетрадку он потом записал, что он видел в том приступе. Я в качестве эпиграфа к одной из своих глав эту запись выставлю.

А теперь продолжение главы второй.

Глава вторая (продолжение) – сон десятый

Князь!

Я выполнила Вашу просьбу, подыграла Вам, а Вы меня в очередной раз обманули.

Избави Бог... я не грожу, но терпению моему пришел конец, и все расскажу графу, как Вы с этим фальшивым секретным английским посланием направили его по ложному следу.

И что за фрегаты такие, «Бриск» и «Миранда»? В Британском флоте, как мне сказали сведущие люди, фрегатов с такими названиями не было! И в каком таком году они пытались с моря взять штурмом Соловецкий монастырь?

Рассерженная на Вас, Павел Петрович, Жаннет

– А действительно, зачем вы так грубо сработали, приплели эти корабли?

– Бес попутал! – улыбнулся мне Павел Петрович. – В датах ошибся. Пятнадцатый год с одна тысяча восемьсот пятьдесят четвертым спутал.

– Нехорошо, князь, людей обманывать и даты подтасовывать!

– Но ведь и вы то же самое, господин писатель, делаете. Вы-то зачем?

Сон двадцать первый, от Беса

От комментариев пока воздержусь.

– Жаннет, – заговорил он сочувственно, – поверьте мне, все забудется.

– Что забудется, граф? – резко спросила она его.

– Все! – твердо ответил он ей. – Но умоляю вас, помогите мне. Скажите хотя бы, кто был вместе с вами? Знаю, что Бутурлин. Но кто еще?

– Кто еще? – переспросила она его. – Что ж, извольте, скажу. С нами был Марков.

– Какой Марков?

– Тот самый, Мефодий Кириллович! Тот самый, – засмеялась она вдруг. Но смех у нее был, как говорится, сквозь слезы. – А грехов у меня, – оборвала смех, – много. Но в монастыре я их не отмолила – добавила. И кончим об этом! Расскажите лучше, что государь решил с «Историей Александрова царствования»? Помню, превесело я ее в монастыре читала. Правда, не на французском, а на русском языке она была написана, но так же превесело.

– Читали?

– Да, читала! И что в этом удивительного? Ведь эту «Историю» написал старец Симеон.

– Вы не путаете, Жаннет?

– Ничего я не путаю. Он сам мне ее давал читать! Мы с Марковым и Василием ухахатывались. Так было смешно читать про прошлое, которого никогда не было, и про будущее, которое никогда не наступит. Правда, Порфирий Петрович никогда не смеялся при чтении этой «Истории», а мрачнел.

– Мрачнел? С чего бы это? И что, он тоже был с вами в монастыре?

– Был. Он каждое лето туда приезжает. А почему мрачнел, не знаю. Он отшучивался фразой из «Моцарта» Пушкина. Не помню точно, но что-то про фигляра. – Жаннет наморщила свой прелестный лобик, пытаясь вспомнить, что говорил про фигляра Сальери Моцарту, но так и не вспомнила и махнула рукой. – Бог с ними со всеми, – засмеялась она, – И с Пушкиным, и с Моцартом, и с этим чертовым... Сальери, и с Павлом Петровичем этим.

Мефодий Кириллович лишь улыбнулся на «Моцарта» Пушкина. С этим стихотворцем он не был знаком и потому в него не верил – и «Моцарта» его, разумеется, не читал. «Моцарт» еще не был написан. А что мрачнел Порфирий Петрович Тушин, наш Великий Пророк, при чтении этой «Истории», он отметил. Надо его при случае расспросить, подумал граф.

– Простите, дорогая Жаннет, – поднялся он с кресла, – но мне пора. Ваш гений чистой красоты доставил мне чудные мгновения. Жаль только, что мимолетным виденьем явились

вы мне. Жаль, – склонил он голову над ее ручкой, – что вы не Аннушка Керн. Та еще была блудница! – И вышел вон, смутив своими последними словами Жаннет.

– Какая Аннушка? – бросилась было она вслед за ним, но столкнулась в дверях со своим мужем, Бутурлиным.

– Не выдумывай, – остановил он ее, – никаких Аннушек я не знаю. – Принял он на свой счет ее слова.

– Что так рано? – спросила она его.

– Приказано срочно отбыть на Соловки всем полком!

– Кем приказано? Павлом Петровичем?

– Государем приказано!

– Зачем?

– Там узнаем зачем, вскрыв по прибытии пакет.

– А пакет где?

– Пакет при мне!

– А нельзя ли его сейчас вскрыть?

– Жаннет, а не много ли ты вопросов мне за эти две минуты задала? И позволь спросить тебя, зачем приходил сегодня к тебе граф Большов, а вчера князь Павел Петрович? И почему ты их приняла? Ведь я просил тебя, Жаннет, не принимать их!

– Квиты, – улыбнулась Жаннет и поцеловала своего Ваську Бутурлина в губы. – Ты меня не послушался – не вскрыл пакет, а я тебя не послушалась – и приняла этих старичков. Квиты. И поэтому я тоже еду с тобой!

Глава третья – сон сороковой

Конногвардейский полк на Соловки отправить – анекдот не из времен царствования Павла I, а его сына – Николая Павловича.

Государя спросили:

– Зачем был послан полк? И почему именно этот, а не Преображенский, например?

– С комарами воевать, – ответил государь, – в конном строю сподручнее!

История России в анекдотах. М., 1897 г. С. 95

Приказ государя императора – Конногвардейскому полку срочно отбыть в Кемь, чтобы потом морем добраться до Соловков, неприятно поразил Павла Петровича.

И о приказе этом он узнал случайно, что тоже было нехорошо – и, что уж совсем скверно, от графа Большова.

Граф специально от Бутурлиных поехал к нему в его ведомство, чтобы доставить князю «удовольствие» – сообщить ему эту превеселую новость. Поквитаться, так сказать, за свой «указ».

Поквитался!

Князь в первый момент даже не поверил ему.

– Извольте шутить, граф? – язвительно спросил он его. – Кто вам об этом вздорном приказе насплетничал? Не Жаннет? Она мастерица выставлять на посмешище.

– Нет, – возразил степенно Мефодий Кириллович, – из первых рук! Генерал Бутурлин сообщил мне об этом приказе. – И посмотрел на Павла Петровича, какой эффект произвели на него последние его слова? С Бутурлиным граф был в ссоре с тех еще времен, выдропужских. И поверил ли ему князь, что Бутурлин поведал ему об этом секретном приказе? Похоже, поверил – или не придавал значения, от кого он об этом приказе узнал. И граф продолжил добивать князя: – И генерал не находит его вздорным, – возвысил он голос осуждающе, – как вы, Павел Петрович, его находите. А на посмешище выставлять... я не только мастериц, а и мастеров знаю. И разрешите, любезный князь, откланяться. Вы столько времени меня, как последнего писарька, в своем предбаннике продержали, что!.. – И граф понес князя, что называется, по матушке. Мастером был он отменным этого дела. Малым матерным загибом Петра Великого выбранил князя и его секретаря: – Мать твою ети раз по девяти, бабку в темя, деда в плешь, а тебе, сукину сыну, сунуть жеребчий в спину и потихоньку вынимать, чтоб ты мог понимать, как е... твою мать, сволочь.

Выбранить большим матерным загибом Петра Великого не счел нужным. Много чести им этим загибом их выбранить!

Отведя душу, Мефодий Кириллович вышел из кабинета.

– Скверно. Ах, как скверно, – стукнул кулаком по столу Павел Петрович и позвонил в колокольчик.

Вошел секретарь князя полковник К.

Так и продиктовали мне: полковник К. А на мою справедливую просьбу: «А нельзя ли полностью фамилию полковника?» – «Нельзя, – ответили назидательно. – К тому же, – продолжили не без ехидства, – этого К. Павел Петрович сейчас „уволит“. А в этом ведомстве увольняли своеобразно. Увольняли на тот свет! Так что пишите, что вам диктуют, и не задавайте лишних вопросов. А то ведь и у нас увольняют».

И честно скажу, задать встречный вопрос: «Где это – у вас?» я не решился. Читайте дальше.

– Вы уволены, – сказал секретарю сухо Павел Петрович.

– Ваше сиятельство, – вытянулся в звенящую струну полковник К., – виноват! Простите.

– Бог простит, Павлуша, – выкрикнул гневно Павел Петрович – и рассмеялся вдруг. Рассмеялся оттого, что только сейчас сообразил, что они тезки. И посмотрел на него, будто в первый раз. Секретарь стоял спокойно, только слезы на глазах. – Что стоишь? – спросил коротко. – Не видишь, что ли, Бог тебя простил? Ступай. И вызови ко мне полковника Сизого и Маню. И бомбиста этого приготовь. Я с ним потом поговорю. И, Павел Иванович, – добавил в сердцах, – Христом богом молю, будьте внимательны впредь.

– Да сам не знаю, Павел Петрович, – горячо заговорил полковник, – как с графом вышло. Ведь я сообщил ему, что вы у государя. Будете через час. «Хорошо, – сказал он мне, – я его подожду. Мне не к спеху. По дворцу вашему поброжу». – «Нельзя по дворцу», – возразил я ему. «Нельзя так нельзя, – согласился он со мной. – Мне и здесь интересно с вами посидеть, побеседовать». – «Извините, и беседовать мне с вами нельзя, – пришлось заметить графу. – Запрещено!» – «Превесело, – употребил он свое словцо. – Теперь я ваше ведомство „Ведомством нельзя“ буду прозывать!» Сел в кресло, достал из своей папки бумаги. Читал, перекладывал. Одну даже скомкал, потом разгладил. Перечитал, разорвал на мелкие кусочки. Попробовал в корзину бросить. Я разрешил. Он бросил и успокоился. Даже вздремнул. И я его тотчас же разбудил, как вы, Павел Петрович, появились.

– Скверно!

– Что скверно?

– А то скверно, что старею. Не разобравшись, чуть не уволил вас, Павел Иванович. А бумажки эти графа где?

– Склеивают. Через час, думаю, управятся. Уж больно тщательно он этот листок на мелкие кусочки разорвал!

– Хорошо. Идите.

Секретарь вышел, а Павел Петрович сел в кресло и крепко призадумался.

Кто же его по кривой-то обошел? Неужели граф? Ведь умен как черт – и такой вздор удумать – Конногвардейский полк на Соловки отправить!

Хотя с него станется. Вот и словечко «превесело» для того им выдуманно, чтобы за этим словечком ум свой от умных дураков спрятать. А за этим полком что он спрятал?

– Павел Петрович! – прервал его раздумья секретарь. – Полковник Сизый и Маня Мармеладова явились.

– Пусть войдут!

И они вошли в кабинет Павла Петровича. Не без трепета некоторого, замечу, и с опаской вошли. В большой строгости, как вы убедились только что, в ведомстве народ держали. А иначе нельзя, раз такое дело им поручено. Не буду лишний раз говорить – какое. Сами знаете.

Полковник Сизый перед князем предстал все в том же купеческом облиии: долгополый синий кафтан, плисовые, с красной искоркой, штаны, лаковые сапоги со скрипом! И прочие штучки купеческие на нем были: жилет в горошек, серебряная цепочка от часов на жилете – и еще что такое немислимое, что и трудно вспомнить – давно это из моды, даже купеческой, вышло.

А вот с Маней произошла разительная перемена. Бомбометание сегодняшнее на нее, что ли, так подействовало?

На ней было одето скромное черное сатиновое платье, русые волосы стянуты на затылке в тугую узел; а грудь свою сахарную она сатином этим так утянула, что соски вместо пуговиц на платье том выступили.

И шнурованные высокие ботинки на низких каблуках и круглые очки в тонкой металлической оправе довершали ее портрет курсистки конца девятнадцатого столетия.

Непостижимо, как она, проституточка наша, угадала в 1815 году эту нигилистскую моду наших революционерочек? Впрочем, добавлю цинично, они одной крови – женской – проституция и революция. Но справедливости ради замечу, что не она эту моду угадала, а Павел Петрович. В этот наряд он приказал ей одеться.

– А что, очень даже недурственно! – остался доволен он их видом. Удачно они смотрелись вместе. Самодурный, без царя в голове, лихой купчик – и в нигилистку выряженная барышня. И от нее, как ни утягивала она свое пышное тело сатином, несло жаром! – Значит, так, – заговорил Павел Петрович наставительно, – ты, Маня, расчет бери в своем заведении и отправляйся на Соловки грехи свои замаливать. А ты, Семен, за ней следом. Кто такая, если будут тебя спрашивать, не скрывай. А спрашивать будут. Как такую, – сделал он легкую паузу, – про такое не спросить! Но веди себя смиренно... до поры до времени. И Семена до себя не допускай. Пусть окончательно угорит от любви к тебе и приревнует к монахам соловецким. Не ко всем, конечно, а к тем, на которых укажу... Ну и к конногвардейцу... любому... для пущей ревности. Выберешь на свой вкус. Там этого добра этим летом много будет. Целый полк лошадиный! Поняли, нет?

– Как не понять? – повела плечиком Маня и посмотрела на Семена со всем своим нигилистским превосходством и пренебрежением. – Будьте покойны, Павел Петрович, угорит Семен – и не понарошку, а взаправду. Закружу его забубенную голову.

– Поглядим еще, – задиристо ответил ей Семен, – кто от кого угорит. Поглядим, кто кого закружит!

– Я тебе погляжу! – осадил его князь.

– Виноват, ваше сиятельство!

– То-то же, господин полковник. И чтобы все натурально. А в запой если купеческий пустишься, голову не теряй. Потеряешь, есть люди, которые на место тебе ее поставят. Но не доводи до крайности. И запомните имена тех монахов, – продолжил строго. – Отец Паис. Он у настоятеля монастыря архимандрита Александра за советчика главного. Инок Пафнутий – келарь монастыря. С настоятелем они не очень ладят. Отец Алексей – библиотекой заведует. Начитан дивно. Нрава кроткого и мудрого. Отец Арсений. Казначей. Ухватист и себе на уме. Соборный монах Кириак. Нрава сурового. Из разбойников раскаявшихся. Отец Питирим. Тоже разбойная душа. Капитаном на «Секире». Ходит та посудина между монастырем и Архангельском. Отец Даниил. Нрава задумчивого. Иконописец. Отец Амвросий. Он мастерскими разными ведает. Вот, кажется, весь список. Да, главного забыл, – спохватился Павел Петрович. – Старец Симеон. Ему, Маня, удели свое особое внимание. И еще. У всех у них на ладонях шрамы. По этим шрамам, если вдруг забудете имя кого, отличите их. Связь через моего человека. В лицо он вас знает. Надо будет – найдет, скажет: «Матрена вам из Питера кланяется и от Петра и Павла привет передает». Все. Ступайте. И скажите полковнику, чтобы Родиона на допрос привели.

На допрос Родиона Карамазова в кабинет князя не привели, а внесли на руках два дюжих молодца, так как сам он идти не мог – или делал вид, что не мог. Потому что, как только его посадили на стул, он ожил и у Павла Петровича пренагло папироску попросил. И, закулив, ногу на ногу закинул, голову запрокинул – и кольца в потолок стал запускать! И небрежно так, через губу, будто ровне:

– Ваше сиятельство, ну как? Довольны? Пойду я.

– погоди, Родя! – остановил его Павел Петрович. – Не могу я тебя просто так отпустить. – И разговор между ними такой странный пошел, такой непонятный, что я половину слов не разобрал, а вторую половину слов просто-напросто забыл. И ухватил, так сказать, из их разговора лишь то, что Павел Петрович бомбисту этому сказал:

– Граф Большов, Родя, допрос тебе в монастыре учинит. Он видел, как бомбы ты сегодня метал, так что проще с ним будь и откровенней без университетских своих ученостей. Не пове-

рит и не поймет. Сразу признайся, что эти бомбы ты в него должен был метнуть. А почему передумал – и в витрину эту метнул, ответь, что испугался. Ведь за сенатора... эшафот, а за озорство это... самое большее, в участок отведут. А вон как вышло! В ведомство угодил. Кто отволлок, не помнишь. Били сильно. А там разговор короткий. И за что? За бомбы маскарадные! Что одна все-таки настоящей оказалась, не виноват. Человек, видно, тот подменил, кто тебя подрядил графа Большова убить. В трактире случайный человек этот к тебе подсел и разговор завел. Спросил: не оттого ли пьем, что дел больших нет? Ты ему возразил, что врет он. Пьем оттого, что нравственности нет. «Потому и нет нравственности, – подзадорил тебя незнакомец, – что дел больших нет! Да и откуда им быть? Все твари дрожащие, а не люди». И спор у вас вышел: тварь ты дрожащая или нет? Доспорились до того, что в сенатора, графа Большова, решил ты бомбу запустить, доказать, что не тварь ты дрожащая, а человек. И не бойся, Родя, ничего. Как дело свое сделаешь, побег тебе устроим. И я напишу бумагу, кто ты на самом деле есть, и отошлю в монастырь. – И отправилась бумага сия в пакете за пятью сургучными печатями под грифом «совершенной секретности» в Соловецкий монастырь – и вместе с ней Карамазов Родион, бомбист наш первый российский, – в кандалах и с охраной.

Но то ли написал Павел Петрович в той бумаге, что обещал Родиону? Павел Петрович заверял меня, что именно то, но по ошибке другую бумагу в пакет вложил. «День был суматошный, – оправдывался он. – Да и в гнев великий пришел, когда секретарь принес показать мне листок, что граф Большов на мелкие кусочки порвал. Вот и спутал: рисунок графа вместо той бумаги в пакет вложил».

Да, в гнев великий кто угодно бы пришел. На том листочке граф Большов кукиши нарисовал перед козлиной мордой. И уж очень эта морда с княжеской была схожа. И подпись соответствующая:

Склеил, поди, козел? Ну и любуйся. Смеши народ православный превесело своей Эльбой!

И я бы поверил бы ему, если бы не приписка, которую сделал Павел Петрович на том рисунке... серебряными чернилами:

Сам ты, Мефодий, козел! И хоть всю гвардию на Соловки отправь – не поможет.

А на пакете том начертал:

Совершенно секретно!

Господину графу Большову вскрыть по прибытии сего преступника Родиона Карамазова в Соловецкий монастырь.

Глава четвертая – сон сорок седьмой

Эта операция получила название «Комариное цоканье» и во всех военных учебниках по стратегии и тактике отмечена как блестящий пример наведения ужаса на противника малыми, комариными средствами.

И от этого комариного «цоканья» Европа в ужас пришла. Разумеется, это «цоканье» в нужное время и в нужном месте должно было произвесть.

Автор сей операции неизвестен.

Келер. Ведомство (Сто лет под грифом «совершенной секретности»). М., 1907 г. С. 93

Как же, господин генерал, неизвестен? Автор «Комариного цоканья» граф Большов!

От экипажа требуется, чтобы он представлял такой вид, точно все его части срослись вместе, никакое сотрясение, никакие толчки не должны отзываться на нем. Когда карета опрокинется, то лак на некоторых местах непременно сотрется, но сам кузов или стенка должны выдержать это падение, как панцирь – легкий ружейный выстрел. Каждый экипаж должен быть поэтому так изготовлен, как если бы ему на каждом шагу угрожала катастрофа. Если фабрикант не в состоянии выполнить такой работы, то пусть тогда и не претендует на звание каретного мастера.

Князь С. П. Урусов. Книга о лошади. 1911 г. (Глава XIV «О езде в упряжи»)

Зябко гулок звук от конских копыт в утренней тишине и тревожен. А если он в тысячу кавалерийских копыт, то и грозен!

И невольно у проснувшегося от этого гулкового цоканья мысли такие же тревожные и грозные в голову лезут.

Куда это полк вдруг выступил?

Не на войну ли часом?

Непременно на войну!

Куда же еще в такую рань, если не на войну?!

И Конногвардейскому полку приказано было выступить в четыре часа утра – и проехать по улицам петербургским под окнами посольств иностранных.

И полетели во все части света дипломатические депеши послов, перепуганных конногвардейским цоканьем!

Потом послам, конечно, разъяснили, что зря они перепугали себя и всю Европу. Полк Конной гвардии не на войну выступил. А что в такую рань, так путь до Соловков долог, а по холодку утреннему приятен.

Послы, как всегда, не поверили.

Зачем на Соловки полк послан?

Почему именно этот полк, а не пехотный, например, Измайловский?

И пришлось тогда государю императору нашему самому послам разъяснить: «С комарами воевать в конном строю сподручнее!»

Сию шутку по достоинству оценили у нас в России. Оценили ли в Европе? Вряд ли. Но это не важно. Важно то, что полгода послы от любого цоканья утреннего просыпались и в окна тревожно выглядывали: не полк ли какой еще кавалерийский в поход выступил? Если выступил, тогда точно – на войну!

А граф Большов в тот день, часом позже, с тишайшей предосторожностью, в отличие от Конногвардейского полка, из дома выехал на свое Соловецкое богомолье. И путь окольный выбрал через Тверскую губернию.

Карета у него была превосходная. За одну только разрисовку герба на карете живописцу Брулову было заплачено 200 рублей. Умолчу обо всех остальных тратах. К тому же, дорогие мои читатели, если дорога дрянь и погода гнусная, то и в хорошей карете натерпишься.

Но с погодой графу повезло, да и дорога из Петербурга в Москву была превосходная. Пленные турки с англичанами после шестого года ее в порядок привели. И до Выдропужска он с большим удовольствием и комфортом доехал, коротая время за чтением французского романа или созерцая мирные дорожные пейзажи, бегущие за окном.

И после Выдропужска с ним ничего особенного не случилось. Правда, то место, где фельдъегерей злодеи жизни лишали, он с содроганием миновал.

«Хоть бы памятный знак поставили, ироды! – подумал осуждающе, но тут же вспомнил, что согласно его следственному докладу фельдъегеря в доме корнета Ноздрева сгорели – там памятный знак им и поставлен. И вздохнул тяжело: – Мистификация сплошная, а не История! Вот и верь после всего этого летописцам и Карамзину».

При чем здесь, замечу, летописцы наши и Карамзин? Ведь сам же он руку приложил к Истории нашего Отечества! С него, графа, как говорится, и спрос. И с него, будьте уверены, спросят, и спросят строго. Но это так, к слову. Истины исторической ради. Продолжим описание дорожных приключений графа Большова.

Проехав с версту, успокоился, даже задремал и чуть поворот – проселочную дорогу, что вела в поместье князя Ростова, не проспал.

Но когда его карета с главного тракта Российской империи Санкт-Петербург – Москва на дорогу эту съехала, охватила Мефодия Кирилловича необъяснимая тревога, а один придорожный куст его даже в ужас привел.

Что ему в том кусте померещилось?

Подумаешь, тенью кто-то вылетел из-под этого куста. Поди, птица какая большая или зверь какой – не разбойник же!

Но он пистолеты дорожные из шкатулки достал, курки взвел – и пожалел, что от конвоя отказался. Не хотел привлекать ничьего внимания, особенно – Павла Петровича. Уж точно бы тот, узнай – куда он едет, устроил бы ему дорожные приключения почище фельдъегерских! И никакой конвой бы не помог. И скажем откровенно, что Конногвардейский полк на Соловки для того был послан, чтобы Павла Петровича отвлечь, чтобы под шумок, так сказать, под утренний конногвардейский цокот выскользнуть незаметно из Петербурга.

И выскользнул ведь. И всего три версты оставалось ему проехать до княжеского поместья, как вдруг раздался ружейный выстрел!

Мефодий Кириллович выглянул из окна кареты – и настоящий ужас охватил его!

– Гони! – крикнул он кучеру диким голосом, а сам... спрятался в глубину кареты. Нет, чтобы, как Порфирий Петрович, точными выстрелами осадить разбойничий пыл злодеев.

Вот это место из моего романа первого «Фельдъегеря генералиссимуса», где Порфирий Петрович этими выстрелами осадил злодеев. Привожу его потому, что поближе хочу познакомиться не читавших тот роман с ним, нашим Великим Пророком – Порфирием Петровичем Тушиным, главным героем всех моих романов. Скоро, очень скоро ворвется он в наше повествование – и времени не будет у нас разъяснять, кто он и откуда, кто таков!

Разбойников было трое, а пистолетов два. Необходимо было проскочить раньше разбойников то место, где они намеревались перерезать им путь.

– Проскочим, будьте покойны, Порфирий Петрович, – угадал Селифан мысли капитана артиллерии в отставке.

А разбойники приближались все ближе и ближе. Уже были слышны их гортанные выкрики.

– Да стреляй же, Порфирий! – не выдержали нервы у Селифана.

Порфирий Петрович даже не шелохнулся. Плавнo, не целясь, он нажал на курок пистолета, который держал в правой руке; потом положил его себе за спину и сказал громко Селифану:

– Заряжай!

– Да как же!..

– Заряжай, – повторил еще раз Порфирий Петрович и переложил из левой руки в правую руку второй пистолет.

Первым же выстрелом он угодил в грудь лошади первого разбойника, вырвавшегося чуть вперед, и она рухнула на скаку на бок, придавив собой седока. Остальные два разбойника даже не посмотрели в сторону своего упавшего товарища, и один из них прицелился в Порфирия Петровича – и выстрелил!

Пуля просвистела возле его щеки. Слава богу, не попала ни в Селифана, ни в лошадей.

Вторым своим выстрелом Порфирий Петрович снес стрелявшему с головы мохнатую кавказскую шапку и, пожалуй, не только ее. Потерявший шапку взмахнул руками и, опрокинувшись на спину, вылетел из седла. Одна его нога застряла в стремени, а лошадь, метнувшись в сторону, понеслась по полю, волоча по снегу его разбойническое тело.

Третий разбойник тут же осадил своего коня и повернул назад. Видно, наглядный урок, продемонстрированный Порфирием Петровичем только что двумя выстрелами, остудил его разбойничий пыл.

Вот как надо с разбойниками поступать, а не в глубину кареты прятаться, в бархат диванный вжиматься и с замиранием сердца слушать за своей спиной залиvistый лай гончих псов!

Впрочем, может, и хорошо, что так вышло? Вдруг бы граф с перепугу попал в того, кто на дорогу выехал и ружье свое охотничье в воздух разрядил, приветствуя дорогого гостя.

Но не будем гадать. Время покажет, хорошо ли, плохо ли вышло, что граф не подстрелил того охотника на проселочной дороге. Ведь принял он его не за охотника, а за разбойника с большой дороги.

И чуть не убили, когда его карета опрокинулась с моста.

Слава богу, что карета выдержала тот «легкий ружейный выстрел», о котором князь Урусов написал в своей книге. И сам он, выброшенный в окно, полетел в ров, выкопанный князем Николаем Андреевичем Ростовым по всем законам фортификации еще в прошлом, восемнадцатом веке.

За рвом, после смерти князя, должного присмотра не было, и он, когда-то выложенный гранитным камнем, зарос бурьяном и крапивой (гранитные плиты растащили по дворам окрестные крестьяне).

Это, наверное, и спасло графа.

Матерясь, он выбрался из рва – и побрел, как в бреду, к княжескому дворцу.

Глава пятая – сон восьмой

Перед его гением понимаешь, как ты ничтожен. Но гений его из рода Божественного: не уничтожает, а воскрешает и возносит до высот горних!

Леонардо Да Винчи

Смею заявить, что эти слова были сказаны Леонардом о князе Николае Андреевиче Ростове, а от себя скажу, что гений его до сих пор не оценен человечеством. И не будем на это сетовать. Не доросли мы еще просто, чтобы понять разумом, что он свершил. Поэтому нам проще верить в чудеса и волшебство его творений, приписав ему сказочную силу Волшебника, чем поверить в гениальную силу его разума, с помощью которой он сотворил все свои необъяснимые до сих пор наукой чудеса!

И в своем романе первом я написал следующее.

...вот ведь какая штука, господа читатели.

Привидениями они не были.

Почему же я так их обозвал, спросите вы меня?

Да потому, что привидения, как это ни парадоксально, более привычнее, объяснимее, чем те существа (так я их назову), которыми населил дворец после своей смерти князь Ростов.

Мой приятель Василий попытался мне на пальцах, как говорится, объяснить, каким образом князь мог сотворить это чудо.

– Виртуальная реальность, что ли? – спросил я Ваську.

– Фу, – сказал мой «великий» физик, – пошлой виртуальностью тут и не воняет.

– А чем же?

– Дурак ты, Коляка! – обиделся почему-то он на меня. – Тебя в такую тайну посвятили! А ты – «воняет»! – И он посмотрел на Катеньку: – И это он так о вас, представляете?

– Это ты сказал: воняет, – а не я! – обиделся в свою очередь и я. – И на этом Васькины объяснения закончились.

А сейчас я приведу другой наш с Васькой разговор, в котором он попытался научно и более детально объяснить мне это Чудо князя Ростова, но я все равно ничего не понял. Может, вы поймете?

Принцип вполне упорядочения эквивалентен (в обычной аксиоматике теории множеств) аксиоме выбора (мультипликативной аксиоме): каково бы ни было множество X непустых, попарно непересекающихся множеств, существует множество Y (называемое *множеством выбора*), которое содержит в точности по одному элементу из каждого множества, являющегося элементом X .

Эллиот Мендельсон. Введение в математическую логику. 1971 г., С. 17

Сразу же хочу сказать, что этот эпиграф из книжки американского математика с такой, откровенно говоря, музыкально-странной фамилией – Мендельсон – я перепечатал по настоятельной просьбе своего друга Васьки – «великого» моего физика, чтобы предварить описание нашего с ним «научного» разговора. Перепечатал тупо, так как в математике, как говаривал знакомый вам князь Ахтаров, я ивах.

Разговор наш произошел у Васьки на даче. Мне приснились два очень странных сна за номерами шесть и семь⁷.

⁷ Сны эти я обнародовать не буду. Еще чего доброго, в порнографии обвинят – да и за сумасшедшего примут. Скажу только, что приснилось мне, как библейский старец молился в келье убиенного им старца Симеона – и в то же самое время

Я еще не знал, что сны эти от Беса, и приехал к своему другу, чтобы он научно объяснил мне их бесовщину.

И мы с ним на трезвую голову беседовали. Выпить нам Катенька – Катинь Безносова – не позволила.

– Зря, Васька, мы ее тогда в коляску посадили и в Москву отвезли! – сказал я в сердцах своему другу, когда она вышла из комнаты. – И зря ты ее у себя поселил.

– А что, – возмущился Васька, – посреди дороги бросить? – И ехидно улыбнулся: – Приказал бы, барин. Мигом и высадили! Что ж не приказали? Или другие какие виды на нее имели?

Я живо вспомнил, как месяц тому назад я с Катенькой лихо ехал в черной лаковой коляске по Ленинградскому шоссе (Васька у нас за кучера был). Встречные бумеры и прочая автомобильная техника метров за сто притормаживали, чтобы получше разглядеть, нет, не нашу коляску, а Катеньку!

В своем простом белом платье, шитом по тогдашней парижской моде, она была обворожительна – и стихийный эскорт из сотни автомобилей нас до самой Москвы сопровождал.

Наглые новые русские, сидящие в сих машинах, конечно, пытались сперва подишучивать и Катеньку к себе переманить, но она так их на своем превосходном французском отчитала, что они тут же сникли.

А тот уса́тый, что на английском свою ученость захотел показать, такой отпор от нее на английском получил, что сказал ей по-английски: «Извините, миледи. Я не знал. Еще раз извините!» – а нашего кучера Ваську по-русски спросил: «Давно ее высочество из Лондона к нам приехали? Инкогнито?» Нашу Катеньку он за английскую принцессу принял. Васька ему соответственно и ответил. «Ну, – замахнулся он на усатого кнутом, – проезжай! Нечего тут выпрашивать. Проезжай». И Катенька удостоила Ваську своим смехом. «Да пусть себе едет, как хочет, – сказала она ему по-французски и добавила по-русски: – Не строжничай!» – и еще веселей засмеялась. «Порядок во всем должен быть, Катерина Гавриловна, – обернулся Васька и посмотрел на Катеньку – и взгляд свой на ней задержал. – Порядок!» И что есть мочи стеганул наших залетных. Залетные птицей-тройкой взвились и понеслись!

С того взгляда Васькиного, видно, у них все и пошло. Катенька от его взгляда притихла вдруг и до самой Москвы только на его спину кучерскую смотрела.

И после этого, наверное, у них далеко дело зашло, и я спросил его:

– Жениться, что ли, вздумал? На ней, на фантоме?

– Никакой она не фантом!

– А кто же она тогда? Настоящая барышня из девятнадцатого века?

– Именно – барышня! Именно – из девятнадцатого века! И потому, как порядочный человек, я обязан на ней жениться.

– Ну ты даешь, Василий! – захохотал я. – Не замечал я у тебя такой джентльменской щепетильности. – Васька таким бабником был, что... Пардон. После этих моих слов он чуть морду мне не набил, так что умолчу, каким он бабником был до встречи с Катенькой.

– Вы обо мне, господа, говорите? – вошла Катенька к нам в комнату.

– Нет, Катерина Гавриловна, не о вас, – сказал я ей. – Хотя, конечно, – продолжил учтиво, – любой разговор Василий на вас сводит. Вот и сейчас, – посмотрел я на Ваську и тут же обратил свой взор на Катеньку: – Я попросил его объяснить некоторые странности в моем романе втором. – И повернулся к Ваське: – Скажи, возможно ли на самом деле это? – И сунул ему листки с текстом снов за нумерами шесть и семь.

Васька мои листки внимательно прочел – и книжку этого свадебного математика мне под нос сунул!

– Открой страницу семнадцатую, – сказал он мне, – и прочти, что он там об аксиоме выбора написал, а потом я тебя доходчиво объясню смысл этой аксиомы. – Я прочитал, и он пустился в свои пространные объяснения:

– Так вот, олух, слушай, что я тебе скажу, – начал он глумливо и наставительно, – о всех «странностях» твоего романа первого... вообще – и о твоих ахинеяных снах романа твоего второго, в частности. А о Катерине Гавриловне, – посмотрел он на нее влюбленно и даже тон свой менторский сменил – и проговорил, подлец, будто в любви ей объяснился: – О Катеньке потом, отдельно. – И тут же язвительно продолжил: – Во-первых, ты, Колька, псих. Поэтому ты не по адресу обратился. Я не психиатр, а физик. И все же, раз ты здесь, а до Яхромы верст еще двадцать, то я тебя попробую «вылечить», хотя в твою тупую башку и трудно что-нибудь путное, кроме снов твоих, вдубасить.

Насчет Яхромы он потому сказал, что его дача возле Савеловской железной дороги стоит. Поезда день и ночь стены и окна – да, поди, и его умную башку сотрясают. И думаю, что так его мозги растрясли, что и ему до Яхромы (сумасшедший дом там, кто не знает) не мешало бы съездить. Платформа рядом – электричкой туда ему сподручней, чем мне, добраться: прямым ходом, без всяких пересадок. И я ему честно сказал:

– Прямым ходом до дурдома мы с тобой завтра поедем!

– Типун вам на язык, – ужаснулась Катенька. А Васька только усмехнулся:

– Так объяснять или нет?

– Объясняй, – сказал я ему вслух, а про себя подумал: «Что не пойму, на том свете объяснят!» – и был не далек от истины.

– Значит, так, – заговорил он не так заносчиво. – Аксиома выбора, если обычными словами на нашем языке русских алкоголиков: множества эти – это два стакана (один – с водкой, а другой – с пивом) ... бездонных, – добавил мечтательно и спросил: – Что будет, если мы их, родимых, из этих стаканов в третий, бездонный, перельем?

– Один стакан с еришом останется! – почему-то возмутился я. – Зачем же их переливать?

– Но меньше ведь их от этого нашего переливания не станет.

– Ну а дальше что?

– Как что? – усмехнулся он. – Из двух этих множеств – водки и пива – третье множество образуется – ериш. И доказывать не надо – аксиома!

– Ну а дальше? – еще раз повторил я тупо свой вопрос.

– А дальше самое интересное начинается, будто мы на самом деле этого математического «ерisha» выпили. Теоремка есть одна, которую с помощью аксиомы этой доказали. По этой теореме вот из них (взял он в руки яблоко и разрезал его на пять равных долек) можно, определенным образом перемещая их в пространстве, два яблока получить. Понял, из одного яблока – два?

– Но чуток поменьше! – ехидно добавил я.

– Да нет, такие же, как и первое, – один к одному.

– Ну и что дальше?

– А то, что вслед за математикой физика идет. Что они, трезвые математики, вроде бы просто так, исключительно из своего любопытства праздного выдумали, мы, грубые и практичные физики и потому вечно пьяные, осуществим. И не в воображении, а на самом деле из одного яблока два получим – и копиями они первого не будут. Подлинники!

– Так ты хочешь сказать, что этот библейский старик... и Катенька... и все остальные!

– Вот именно, Колян, это я хочу в твою глупую башку вдолбить!

– Но каким образом князь Ростов Николай Андреевич это сделал?

– А почему я знаю? Я там у него во дворце только его сантехнику чинил, – засмеялся Васька, – только в ней и разобрался. – И он махнул рукой: – Ладно. Идем спать, поздно уже.

«При чем тут сантехника? – подумал я. – Ты же не сантехнику, а парусную комнату чинил!»

– Спать, спать, – похлопал по моему плечу Васька. – О княжеской сантехнике как-нибудь в другой раз расскажу.

На даче спят. В саду, до пят
Подветренном, кипят лохмотья.
Как флот в трехъярусном полете,
Деревьев паруса кипят...
...Льет дождь. Я вижу сон: я взят
обратно в ад, где все в комплоте...
...Льет дождь. Мне снится: из ребят
Я взят в науку к исполину,
И сплю под шум, месящий глину,
Как только в раннем детстве спят...
...Спи, будь. Спи жизни ночью длинной.
Усни, баллада, спи, былина,
Как только в раннем детстве спят.

1930

Борис Пастернак. Вторая баллада

Я проснулся посреди ночи.

На улице шел дождь. Он и разбудил меня, хлестанув при очередном порыве ветра по крыше мансарды, словно дерево хлестануло своими ветками и листвой. И под его то стихающий, то нарастающий шелест я стал мучительно вспоминать свой сон восьмой, но, как ни старался, он все дальше и дальше уходил, убегал от меня.

– Ну что, – вдруг спросил меня кто-то, – вспомнил наш сон? – От неожиданности я вздрогнул и тут же вспомнил, нет, не свой сон, а этот голос спросившего меня человека. И самого его я узнал, сидящего напротив меня на кровати.

Еще бы мне не узнать! Ведь это был я, словно отраженный в зеркале.

– Да нет, не в зеркале, – тут же поправил он меня, т. е. я сам себя поправил. – Хотя, конечно, в сумасшедшем зазеркалье оказался я... или... ты, – добавил неуверенно он (я? – черт его знает!). – До Яхромы не двадцать верст, как Васька говорит, а... за стенкой. – И он постучал по скошенной стене мансарды: – Ау, психи, как вы там?

– Не ори, – сказал я своему отражению, – Ваську с Катей разбудишь!

– Ишь, чего возомнил – я твоё отражение. Это ты моё отражение. И сон наш не помнишь – и всё прочее. Так что слушай и запоминай!

– Что я не помню? Что за «прочее» я не помню? Говори!

– Скажу, но потом. Сон сперва расскажу, а то забуду. Память, сам знаешь, какая у нас – дырявая. Включи лучше компьютер и записывай.

– А сам что... не можешь?

– Не могу. Я по твою сторону зеркала нахожусь. Когда ты на моей стороне окажешься, я буду записывать, а ты диктовать.

– Мудрено говоришь, – засмеялся я. – Может, и про аксиому выбора мне расскажешь?

– Васька сам олух. Ему только сантехником у князя Ростова работать. Князь без этой аксиомы обошелся.

И я, тут вы не сомневайтесь, закричал что есть мочи:

– Включай компьютер и записывай! – И, разумеется, от своего крика проснулся. –
Надо же такому присниться, – сказал я вслух.

– А ты все-таки включи и записывай, – услышал я собственный шепот.

Я включил компьютер – и стал записывать свой «шепот» под стихающий шелест ночного
дождя.

Сон девятый

– Ну что, – сказал мне Павел Петрович, когда мы все поднялись по винтовой лестнице из комнаты воздушного шара на круглую площадку, что была на крыше, – давайте прощаться! – И он крепко обнял меня и троекратно расцеловал. – Вы мне доставили неизъяснимое удовольствие. И не расстраивайтесь. Вы все в нашей истории поняли, кроме одного. Почему я над вами хохотал! – И, нет, он не захохотал, а крепко пожал мою руку. – Прощайте, не поминайте лихом.

На круглой площадке гулял ветер. Воздушный шар, на котором они собирались улететь, упруго звенел над нашими головами. И небо было ясное, бездонное.

– Пора! – сказала княгиня Вера. – Прощайте.

– Можно я вас поцелую? – спросил я ее.

– Конечно, можно, – расхохоталась Прасковья Ивановна. – Но только всех – и Мари! – И обернулась к Марии Балконской: – Он, конечно, проказник – и такие глупости невообразимые про нас с тобой написал, но мы простим ему это!

– Я вымараю! – поспешно выкрикнул я. – Обязательно.

– А вот этого делать не надо, – подошла ко мне Мария и поцеловала в губы. – Прощайте!

– Почему? – растерялся я то ли от ее поцелуя, то ли от того, что она сказала.

– Обещайте, что не вымараете!

– Обещаю! Но почему?

– Экий вы глупый, – сказала мне Прасковья Ивановна – и поцеловала меня в лоб как маленького.

– Прощайте-прощайте! – пожал я руку Христофору Карловичу и князю Андрею. – И все-таки, – подошел я к княгине Вере, к моему доброму ангелу-хранителю, – я так и не узнал, как... – И я не смог продолжить, ком застрял у меня в горле, слезы навернулись на глаза.

– О князе Николае Андреевиче вы хотели спросить? – сказал за нее Павел Петрович, потому что и княгиня Вера тоже не могла говорить. – Так вы же сами знаете! Или я вам до того места роман ваш второй не дал досмотреть? Ничего, досмотрите. Я вам обещаю! – И они по лесенке стали подниматься в корзину воздушного шара.

– А целоваться не будем, – сказала княгиня Вера и решительно заявила: – Еще будет у нас повод свидеться!

– Рубите канат! – крикнул мне Павел Петрович.

Я перерубил – и воздушный шар медленно стал подниматься в небо.

Долго я смотрел, как удаляется он от меня. Наконец он превратился в черную точку – и слился с небом.

– Боже! – испугался вдруг я. – Как же теперь из дворца выберусь? – И даже от страха зажмурил глаза.

Когда я их открыл – еще больше испугался. Никакого дворца уже не было. Я стоял посредине ромашкового поля – и прямо ко мне бежала девушка в белом платье.

– Кати... Катерина Гавриловна! – сказал я ей, когда она чуть ли не налетела на меня. – Они улетели. Вы опоздали.

– Да, – посмотрела она на меня растерянно, – улетели? Почему без меня?

– Не знаю!

– А откуда вы меня знаете? – вдруг удивилась Катишь.

Да, это была она. Почему я ее узнал, я ей не ответил. По полю за ней широким своим шагом летела Лизи, выбрасывая перед собой зонтик – и сабельно и беспощадно им на своем пути срубая ромашкам головы!

– Бежим, – взял я Катерину Гавриловну за руку, – мы еще успеем их догнать. Видите мой экипаж?

– Вижу, – ответила она, и мы с ней побежали к коляске, стоявшей на краю ромашкового поля. Лизи устремилась за нами!

Мы успели добежать раньше нее. Я помог Катерине Гавриловне сесть в коляску, потом сам в нее вскочил.

– Позвольте! – стала взбираться в коляску и Лизи.

– Нет, не позволю, – уперся я ногой в эту, да простит меня читатель, английскую мужскую грудь – и вытолкнул его из коляски – опрокинул на землю!

Что это была действительно английская мужская грудь, не сомневайтесь. Уж этого мне не знать! И чтобы и у вас на этот счет никаких сомнений не было, скажу. Лизи – эту тощую английскую селедку, эту гувернантку... я полностью, как говорится, от ее плешивой головы, облитой дегтем, до его ног, что сейчас он задрал неприлично к небу, – выдумал. Изменил своему принципу (никаких литературных персонажей – только подлинные) – и вот он лежал, поверженный на землю нашу, – лежала в пыли эта аглицкая бестия! И забудем его, будто его и не было.

– Васька, трогай! – крикнул я своему другу. Он у меня сегодня был за кучера. Василий, естественно, посмотрел на Катеньку – сахарную московскую барышню. Облизнулся – и спросил:

– Куда, барин?

– А куда Катерина Гавриловна прикажет, туда и поедем!

– В Москву, – приказала Катенька – и засмеялась. И под ее звонкий фарфоровый колокольчик мы понеслись в Москву.

Нет, это не сон за номером восемь, а окончание моего романа первого «Фельдъегеря генералиссимуса».

Плац после смерти старого князя Прасковья Ивановна – жена князя Андрея – велела ромашками засеять. Посреди этого громадного ромашкового поля графа и нашли.

– Что с вами случилось, граф? – спросили его, когда он очнулся.

– Разбойники! – закричал он в ответ. – Разбойники! – Соскочил с кровати и попытался бежать. Его насилу опять в кровать уложили.

– Разбойники! – опять выкрикнул он.

– Да какие же мы разбойники? – наконец поняли они, что граф принял их за разбойников. – В наших краях отродясь разбойников не было.

– Не было? А кто в пятом годе двадцать пять фельдъегерей зарезал? – закричал на них граф.

– У него горячка, – ласково посмотрела Прасковья Ивановна на графа и спросила с тревогой Христофора Карловича: – Когда же доктор придет? Вы послали за ним?

– Павел Петрович пошел, – ответил спокойно Христофор Карлович. – С минуту на минуту будут.

– Павел Петрович? – в еще большее волнение пришел граф. – Какой Павел Петрович?

– Наш управляющий, – ответила ему Прасковья Ивановна. – Павел Петрович Чичиков. Вы его должны помнить.

– Помнить, помнить, – быстро заговорил граф Большов, – я должен его помнить. Да, конечно, – сказал уверенно, – я вспомнил. Я вспомнил все! – добавил твердо, хотя вряд ли он вспомнил все. Это просто невозможно. Уж Павел Петрович, думаю, постарался, чтобы память у него отбило крепко-накрепко, капитально.

Разумеется, и полет его из кареты в ров тому поспособствовал. Но Павел Петрович Чичиков, он же князь R, не доверял случаю – все делал сам! К тому же, замечу, он эти случаи, как правило, сам же и создавал.

Прерву на мгновение свое повествование и поясню для не читавших мой роман первый «Фельдъегеря генералиссимуса», что князь R был в тысяча восемьсот втором году внедрен,

выражаясь языком нынешних ведомств, в дом старого князя Ростова. Для чего внедрен, говорить не буду. А кем внедрен, сейчас вы узнаете, прочитав главу из романа первого «Фельдгегеря генералиссимуса», которую написал сам Павел Петрович, точнее – он диктовал, а я записывал его воспоминания, полет его свободной мысли: у него, то бишь у его привидения, была прескверная привычка, я потом у него ее перенял, в комментариях пускаться. Причем он в свои комментарии без предупреждения пускался, а потом выговаривал мне строго, если я его, так сказать, растекание мысли по древу романа в роман вставлял.

– Так предупреждать надо, – огрызнулся я ему как-то раз, – где у вас текст романа, а где ваша отсебятина!

– Отсебятина? – возмутился он. – Это вы в моем романе отсебятина. Впрочем, записывайте за мной все. Я потом сам отберу зерна от плевел.

Отобразить, к моему счастью, ему не пришлось – все его комментарии в том романе остались. В этой главе они у меня мелким шрифтом набраны, хотя надо бы наоборот – текст мелким, а его комментарии – крупным. Столь они значительны и, я бы сказал, поучительны.

И скажу сразу. Я проверил по историческим источникам – и могу заверить вас, что все, что он мне надиктовал, правда... за редким исключением. Есть там некоторые неточности, но, сами понимаете, столько лет прошло: что-то он мог забыть, что-то перепутать, что-то просто упустить. Не без того, что-то мог и утаить. Ведь некоторые вещи до сих пор под грифом «совершенной секретности».

С того света на этот ехать – не котомки шить!

Павел I

В тот день четверг был!

По заведенному старым князем обычаю за обеденным столом восковые персоны присутствовали.

– Кто именно, кого князь Николай Андреевич приказал выкатить, я уже не помню, – сказал Чичиков. – Да это и несущественно. Конечно, можно нафантазировать, чтобы, как принято у вас, у писателей, некий тайный смысл обеду этому придать. Через них, восковых кукол, идею некую высказать. Но не напрямую, не в лоб т. е., а окольно, тонко, аллегорически. Так ведь не было смысла никакого... в этих восковых персонах! Каприз один княжеский, самодурство одно – как и с этим стулом шудиным. Ишь, Христос нашелся. Христос на тайной вечерне своим ученикам о предательстве поведаль. А у нас обыкновенный обед средь бела дня! Кстати, на шудин стул он своего сына, князя Андрея, посадил. Я это к тому, что не я один на этом стуле сиживал. Почти все. И Христофор Карлович этого стула удостаивался!

– А его зачем вы упомянули?

– Просто к слову пришлось.

Из живых, так сказать, персонажей присутствовали: я – покорный ваш слуга – Павел Петрович Чичиков, Бенкендорф Христофор Карлович, полковник Синяков и, разумеется, старый князь и его сын – князь Андрей.

И княгиня Вера своим присутствием обед этот удостила.

– Честно скажу, сам я ее на этом обеде не видел, – заметил Чичиков. – Видели другие. Я не возражаю. Видели – так видели. Может, и была она на том обеде. Сына пришла защищать.

– Павел Петрович! – обернулся ко мне старый князь. Я подле него, по правую его руку, сидел. Своего секретаря он между двух братьев Орловых посадил. Они бумагу государыне-матушке Екатерине Второй сочиняли.

– Помните, по какому случаю они эту бумагу сочиняли? – спросил меня надменно Чичиков – и тут же за меня ответил: – Государя императора, мужа ее, задушили – вот и оправдывались. В помощники Христофора Карловича старый князь им и определил – слог их пьяный

править. Убедительно у Бенкендорфа это получалось. Любую мерзость так мог отредактировать, обелить, что хоть в святыне записывай!

– А вы говорите, что без аллегорий восковых, без тонких намеков вы этот обед описывать будете, – насмешливо сказал я ему.

– А какой же тут тонкий намек? Я ему, что называется, в лоб, ироду. Сказочнику этому остзейскому! Вам же его сказки и аукнулись. Прибалтика чья нынче? Наша ли? То-то и оно. А смеетесь: «Аллегории восковые»! Он без аллегорий нам под дых бил. Мы еще к нему вернемся.

– Павел Петрович! – недовольно сказал еще раз старый князь. – Ты на кого засмотрелся?

– Что вы, ваша светлость, – ответил я почтительно, – как можно? Задумался просто на мгновение. Я вас внимательно, ваша светлость, слушаю. Я даже больше скажу! Я вас внимаю, ваша светлость. – В общем, подпустил подобострастия. Благо-родно, правда. Исключительно из уважения к его преклонному возрасту, а не из-за его княжеского титула и богатства. Титулом и я мог бы похвастать. А вот богатством пока нет.

– А сын мой, Павел Петрович, не слушает меня, не внимает! – с неподдельной горечью обратился ко мне князь Николай Андреевич. – Ишь, что выдумал! В гусары просит его определить. Вообрази, он – гусар!

Я тут же вообразил – и смешок в своей груди задержал. Но все же не выдержал – и расхохотался. Уж очень смешон в моем воображении князь Андрей был. Мужик мужиком – а в гусарских шнурах и в прочих гусарских прелестях – и на гнедом скакуне!

– Вот, видишь, – обратился к своему сыну старый князь, – люди смеются!

– Да, конечно, – подтвердил я его слова, – смешно. Он своим... телом коня своего к земле придавит! В тяжелую кавалерию... куда ни шло, – добавил я добродушно и присовокупил с воодушевлением: – В кавалергарды!

– Так он не хочет, – выкрикнул старый князь, – в кавалергарды! По этому случаю я бы полк еще один, кавалерийский, завел. А он втемяшил в свою голову: в гусары хочу. Посоветуй, Павел Петрович, что мне с ним делать?

– Что ж вам посоветовать, – хитро улыбнулся я старому князю, – я и не знаю даже! – Я отлично понимал, что князь Николай Андреевич приглашает меня сыграть с ним и с его сыном в какую-то игру. Но вот в какую? В веселые игры старый князь играть не любил. Предпочитал в насмешливые. Слава богу, в очередную его игру нам не пришлось сыграть. В столовой зале появился дежурный офицер, подошел к старому князю, что-то прошептал ему на ухо и отдал листок, сложенный вдвое.

Князь листок тот развернул, прочел сначала про себя, а потом – вслух.

Ваша светлость!

С того света на этот ехать – не котомки шить!

Соблаговолите меня принять. Я вас научу этому.

Генерал Воров

Как он это прочел, так у меня в груди сердце похолодело, но виду я не подал.

– Узнаешь руку? – протянул мне листок старый князь.

– Нет, – ответил я ему.

– А я узнаю! – закричал он. – Где, говоришь, этот генерал, – обернулся к дежурному офицеру, – возле шлагбаума? Пропустить – и к нам сюда в столовую залу привести.

Офицер вышел из столовой залы исполнять распоряжение князя, а я, нет, не сразу – сразу говорить я не осмелился.

– Ваша светлость, – сказал я тихо, – а стоило ли этого генерала к нам сюда пускать? По записке его видно, что с большими амбициями генерал. Вот и ехал бы он своей дорогой. Как бы чего у вас с ним не вышло! Не спустите же вы ему, ваша светлость, эту его записку дерзновенную! Не лучше ли... прогнать его сразу. Еще не поздно. Завернуть его от нашего шлагбаума – и вся недолга.

– А что ты так об этом генерале печешься, Павел Петрович? Знакомый он твой, что ли?

Я лишь пожал плечами. Врать старому князю не захотел, а говорить правду не имел права. Правда не простая была, а государственная, а они, такие правды, под грифом «совершенной секретности» находятся. Вот почему ничего не стал я ему говорить.

– Ну и молчи! Я сам с ним разберусь, – гневно посмотрел на меня князь Ростов Николай Андреевич. – Я-то его преотлично знаю.

Все недоуменно посмотрели на нас, даже восковые персоны: из-за чего это мы с князем Ростовым вдруг ссориться стали? Неужели из-за этого генерала Ворова?

Да кто он таков, чтобы из-за него нам ссориться?!

Вот какое недоумение повисло в воздухе над обеденным столом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.